

И.Ф. Нильский

Ответ на письмо Т.И.Филиппова по
вопросу о браке в русском расколе

Опубликовано:

Христианское чтение. 1871. № 4. С. 668-735.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО Т. П. ФИЛИПОВА,

По вопросу о брачнѣ въ русскомъ расколѣ.

М. Г.

Въ первомъ № «Бесѣды» я прочиталъ ваши замѣчанія на мое сочиненіе: «семейная жизнь въ русскомъ расколѣ», которыя вы намѣрены были предложить мнѣ— въ видѣ возраженій, на диспутѣ моемъ (25 октября прошлаго года) и которыя тогда же обѣщали заявить печатно. Согласно своему обѣщанію, честь имѣю печатно же разъяснить ваши «недоумѣнія, возбужденныя въ васъ содержаніемъ моего труда», и тѣмъ успокоить васъ.

Если оставить въ сторонѣ всѣ разсужденія ваши, иногда довольно остроумныя, свидѣтельствующія о знакомствѣ вашемъ и съ древними языками и съ русскими поговорками, но мало относящіяся къ дѣлу; то сущность вашихъ возраженій можетъ быть изложена въ слѣдующихъ пяти пунктахъ:

1) По вашему мнѣнію, я «нигдѣ въ своемъ сочиненіи не предложилъ полнаго и яснаго опредѣленія правильнаго, или, что одно и то же, православнаго понятія о таинствѣ брака», что, по вашимъ словамъ, составляетъ «немаловажный недостатокъ моей книги», такъ какъ «въ сочиненіи, которое посвящено изложенію столь многоразличныхъ ученій о брачной тайнѣ, строгая и точная постановка схемы православнаго

брака составляет явную и настоятельную необходимость» для опредѣленія «степени правильности того или другаго вида брака».

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе я прошу васъ взять первый выпускъ моего сочиненія и на двухъ первыхъ страницахъ прочитатъ слѣдующее: «въ ученіи о бракѣ, равно какъ и о другихъ таинствахъ, у раскольниковъ на первыхъ порахъ не было и даже не могло быть ничего существенно отличнаго отъ ученія объ этомъ предметѣ православной церкви... Считая церковныя богослужебныя и учительныя книги, изданныя до Никона, и особенно въ патриаршество Іосифа, за неизмѣнно вѣрныя и непогрѣшимыя, раскольники могли узнать и знали изъ этихъ самыхъ книгъ, что «бракъ есть тайна, сю же женихъ и невѣста отъ чистыя любви своей въ сердца своемъ усердно себѣ изволятъ, и согласіе между собою и обѣтъ сотворятъ», что брачующіеся «отъ Бога пріемлютъ» въ этой тайнѣ «особиѣ сію благодать, дабы дѣти добры и христіански родили и воспитали, и да соблюдутся отъ мерзостнаго блуднаго грѣха и невоздержанія», что бракъ «бываетъ общимъ изволеніемъ отъ тѣхъ, иже входятъ въ то достояніе безъ всякія пакости, и благословеніемъ священническимъ: егда себѣ обручаютъ взаимно», что послѣдняя цѣль брака, какъ таинства, состоитъ въ томъ, чтобы «человѣческій родъ умножался и число бы назнаменованныхъ и избранныхъ въ царство небесное исполнилось», что, наконецъ, въ слѣдствіе своихъ цѣлей частныхъ (избѣжанія блуда и рожденія дѣтей) и общей («исполненія церкви Божіи»), бракъ не только «потребенъ», т. е. нуженъ тѣмъ, кои не могутъ нести безъ грѣхопаденія дѣв-

ственной жизни, хотя могутъ быть лица, которыя въ состояніи обходиться безъ брака, но и «нужно потребень», т. е. необходимъ, неизбѣженъ для полноты церкви и, слѣдовательно, всегда будетъ существовать въ ней, какъ «нужно потребно» и всегда будетъ существовать въ церкви таинство священства «правленія ради церковнаго и строенія Божественныхъ тайнъ», хотя и «не всякъ долженъ есть» и можетъ «священствовать». Если эти изреченія старопечатныхъ книгъ переложить на современную русскую рѣчь, то выйдетъ слѣдующее опредѣленіе брака: бракъ есть таинство, въ которомъ сообщается брачующимся особенная благодать св. Духа—для христіанскаго рожденія и воспитанія дѣтей и для избѣжанія блуда; совершается онъ благословеніемъ пастыря церкви, при взаимномъ, безпрепятственномъ согласіи на вступленіе въ супружество жениха и невѣсты; послѣдняя цѣль брака—умноженіе человѣческаго рода для полноты церкви; вслѣдствіе своихъ цѣлей — частныхъ и общей, бракъ необходимъ и будетъ существовать въ церкви вѣчно, какъ вѣчна сама церковь, т. е. до конца міра.

Если это опредѣленіе брака, по вашему мнѣнію, — не полно и неясно, въ такомъ случаѣ я долженъ сказать, что нѣтъ яснаго и полнаго опредѣленія брака ни въ православномъ исповѣданіи Петра Могилы, ни въ православномъ катихизисѣ преосвященнаго Филарета, ни въ догматикахъ преосвященныхъ Макарія, Филарета и др.

«Понятіе о бракѣ, настаиваете вы, есть понятіе сложное, въ коемъ каждая составная часть имѣетъ свое особенное. ей только принадлежащее, значеніе; эти составныя части суть: а) взаимное, непринуж-

денное соизволеніе на бракъ жениха и невѣсты, б) согласіе, при извѣстномъ возрастѣ жениха и невѣсты, ихъ родителей и в) священнословіе (*ιεραδευιχ*), или, по нынѣшнему, вѣнчаніе вступающихъ въ бракъ въ церкви; объяснить читателю истинное значеніе этихъ моментовъ въ составѣ брака было, замѣчаете вы, вашею несомнѣнною обязанностію».

Существенная необходимость для правильнаго брака взаимнаго согласія жениха и невѣсты и священническаго благословенія ясно видна изъ того опредѣленія, какое сдѣлано мною, на основаніи старопечатныхъ книгъ. Что же касается согласія на бракъ родителей жениха и невѣсты, то говорить особо объ этомъ предметѣ, какъ имѣющемъ условное значеніе для брака, я не считалъ нужнымъ — тѣмъ болѣе, что сами раскольники необходимости этого согласія не отрицаютъ, а только спорятъ о томъ, нужно ли существенно для законности брака пресвитерское благословеніе и вѣнчаніе, или бракъ можетъ правильно состояться и безъ него. Кроме того, если, по вашему мнѣнію, для полноты опредѣленія брака, мнѣ нужно было объяснить читателю истинное значеніе указанныхъ вами моментовъ въ составѣ брака, — то, ради той же полноты опредѣленія, я долженъ былъ бы показать также значеніе для правильности брака степеней родства и возраста брачующихся, времени и мѣста совершенія брака и другихъ, необходимыхъ для правильнаго бракосочетанія, условій, — другими словами, — написать цѣлое сочиненіе о бракѣ съ канонической точки зрѣнія, какъ сдѣлалъ это, напримѣръ, покойный преосвященный Іоаннъ, помѣстившій въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1859 годъ «обзоръ поста-

повлечій о бракѣ въ православной церкви». или—покойный Певолинъ, посвятившій вопросу о бракѣ весь первый томъ своей «Исторіи гражданскихъ законовъ». Все это, согласенъ, было бы и хорошо, только разсмотрѣніе всѣхъ указанныхъ вопросовъ, «къ понятію объ истинномъ бракѣ относящихся», не входило въ задачу моего чисто историческаго труда, имѣвшаго цѣлю—изложеніе постепеннаго развитія въ расколѣ ученія о бракѣ, а не критическую оцѣнку этого ученія и раскольничьихъ браковъ разныхъ формъ и видовъ. Правда, я иногда произносилъ судъ о правильности или неправильности того или другаго вида раскольничьихъ браковъ, какъ это вы и замѣчаете; но для такого суда я считалъ достаточнымъ и того опредѣленія брака, которое вы признаете неполнымъ и неяснымъ и которое, по вашимъ словамъ, повело меня къ «немаловажнымъ ошибкамъ и немалочисленнымъ противорѣчіямъ съ самимъ собою». Ниже вы увидите, что такой приговоръ вашъ о моихъ опредѣленіяхъ «степени правильности» разныхъ раскольничьихъ браковъ—положительно несправедливъ.

II. Второе замѣчаніе ваше касается моего отзыва объ ученіи Ивана Алексѣева. Указавъ на второе положеніе и на 122—3 стр. моей книги, вы утверждаете, будто бы отзывъ мой объ ученіи Алексѣева а) невѣренъ, б) оскорбителенъ для памяти дѣятеля, достойнаго уваженія, и в) несогласенъ съ моими собственными словами о характерѣ ученія и дѣятельности Ивана Алексѣева, сказанными въ другомъ мѣстѣ. Посмотримъ, на сколько справедливы эти обвиненія.

а) Невѣрность моего отзыва объ ученіи Ивана Алексѣева состоитъ, по вашимъ словамъ, въ томъ,

что я приписалъ Алексѣеву взглядъ на бракъ не какъ таинство, а какъ на естественный, или гражданскій, союзъ, тогда какъ, по вашему мнѣнiю, Алексѣевъ считалъ бракъ таинствомъ. Доказывая свою мысль, вы говорите, что послѣ того, какъ расколъ былъ отлученъ отъ церкви, и раскольники, придя къ убѣжденiю, будто уже воцарился антихристъ, настало послѣднее время, церковь «бысть безъ вѣсти» и православное священство прекратилось, стали учить, что «за разсыпанiемъ рубли освященныхъ» не можетъ быть болѣе и таинствъ, кромѣ крещенiя и покаянiя, которыя, по мнѣнiю раскольниковъ, можетъ совершать и мирянинъ, и вслѣдствiе этого провозгласили, что не можетъ быть болѣе брака и всѣ обязаны проводить «чистое житiе», Алексѣевъ, возмущенный послѣдствiями принудительнаго дѣвства, выступилъ съ своею устною и потомъ письменною проповѣдiю, и «сталъ учить, что къ допущеннымъ уже всѣми безпоповцами изъятiямъ, относительно крещенiя и покаянiя, слѣдуетъ присоединить новое исключенiе въ пользу таинства брака: ибо вопреки мнѣнiю прежнихъ учителей безпоповскаго толка, и бракъ, точно также какъ крещенiе и покаянiе, можетъ, по его мнѣнiю, быть вполне правильно (въ видѣ таинства) совершаемъ при безусловномъ отсутствii на землѣ правильнаго священства». И затѣмъ послѣ замѣчанiя о томъ, что ученiе Алексѣева о сущности и условiяхъ правильнаго брака можно считать неправильнымъ, вы заключаете: «но изъ-за этого приписывать ему возрѣнiе на бракъ, какъ на союзъ естественный, или гражданскій, чуждый благодатнаго таинственнаго освященiя, значитъ внести въ заключенiе то, чего не дано въ посылкахъ. Иное дѣло

ошибочно думать о таинствѣ, и иное — отвергать его».

Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что первая ваша посылка о первоначальномъ ученіи безпоповцевъ относительно брака можетъ привести къ другому заключенію, а не тому, къ какому пришли вы. Если первоначальные раскольники, — это разсуждаю я, — въ силу того убѣжденія, что бракъ, какъ таинство, можетъ быть совершенъ правильно только православнымъ священникомъ, обрекли всѣхъ, вслѣдствіе мнимаго прекращенія въ мірѣ священства, на «чистое житіе», сдѣлавшееся скоро самымъ нечистымъ; то Алексѣеву, желавшему прекратить безпоповщинскій развратъ, оставалось проповѣдывать своимъ братьямъ во вѣрѣ необходимость и возможность брака, не какъ таинства, — такой бракъ, за разсыпаніемъ руки освященныхъ, былъ невозможенъ, по понятію заблуждающихъ, — но какъ естественный или гражданскій союзъ; проповѣдывать такой бракъ Алексѣевъ могъ тѣмъ естественнѣе, что онъ (бракъ), прекращая блудъ, къ пресѣченію котораго и направлена была вся дѣятельность автора книги «о тайнѣ брака», въ тоже время менѣе могъ оскорблять религіозное чувство заблуждающихъ, — такъ какъ подобныя браки (не въ видѣ таинства) существовали и въ ветхомъ и въ новомъ заветѣ, — чѣмъ вступленіе въ бракъ, какъ таинство, при благословеніи только мірянина (священники православной церкви, по взгляду безпоповцевъ и самаго Алексѣева, не болѣе, какъ міряне и притомъ еретическую), такъ какъ такое заключеніе брака было бы, по мнѣнію ревнителей старины, нарушеніемъ всѣхъ правилъ, низведеніемъ таинства на степень

простаго дѣйствія, кощунствомъ надъ нимъ, нарушеніемъ «писанія» и вѣры (вып. 2, стр. 187—8), изъ-за не нарушимаго храненія которой раскольники и отдѣлились отъ церкви. Я не знаю, которое изъ разсужденій, — мое или ваше, — вы найдете болѣе логичнымъ, и хочу только показать, что въ разсматриваемомъ нами вопросѣ сужденія аргюи не могутъ привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Далѣе: вторая посылка ваша — объ ученіи собственно Алексѣева не только произвольна, но даже находится въ прямомъ противорѣчьи съ его книгою «о тайнѣ брака» и съ тѣмъ, что сказано въ моемъ сочиненіи объ этомъ предметѣ. Такъ, напримѣръ, вы говорите. будто Алексѣевъ «сталъ учить, что, вопреки мнѣнію *прежнихъ* учителей безпоповскаго толка, и бракъ *точно также, какъ крещеніе и покаяніе*, можетъ быть вполне правильно (*въ видѣ таинства*) совершаемъ при безусловномъ отсутствіи на землѣ правильного священства»; а между тѣмъ а) взгляда на бракъ, какъ таинство, которое можетъ совершить одинъ только православный священникъ, держались не одни *прежніе*, но и современные Алексѣеву учителя безпоповщинской секты; такой взглядъ на бракъ и побудилъ выговцевъ послать Вышатика на востокъ для отысканія тамъ «православной хиротоніи; б) Алексѣевъ не только не приравнивалъ брака, который проповѣдывалъ, къ крещенію и покаянію, а напротивъ существенно отличалъ его отъ послѣднихъ таинствъ; доказательствомъ этого могутъ служить и его ясныя слова объ этомъ предметѣ, приведенныя мною на 129 стр. перваго выпуска, которыми послѣ я воспользуюсь противъ васъ, и то обстоятельство, что, реко

мендую своимъ послѣдователямъ вѣнчаться у православныхъ (а по его мнѣнію, еретическихъ) священниковъ, Алексѣевъ въ тоже время строго, безусловно запрещалъ принимать отъ нихъ всѣ другія таинства— и крещеніе и покаяніе, о чемъ также ясно говорится въ моей книгѣ на стр. 160—1. Въ виду сказаннаго, я рѣшительно недоумѣваю, на какомъ основаніи вы, разсуждая о причинахъ, вызвавшихъ Алексѣева на проповѣдь о бракѣ и написаніе книги «о тайнѣ брака», могли сказать, что онъ «сталъ учить, что и бракъ точно также, какъ крещеніе и покаяніе, можетъ»... и т. д., когда въ сочиненіи моемъ ученіе его объ этомъ предметѣ изложено вовсе не такъ, и прихожу къ мысли, что вы, рѣшившись явиться моимъ оппонентомъ, или не дали себѣ труда со вниманіемъ прочесть мою книгу (ниже это я и докажу), или въ своемъ возраженіи противъ моего взгляда на ученіе Алексѣева руководились не своими собственными соображеніями, а замѣтками рецензента моего сочиненія, помѣщенными въ майской книжкѣ Православнаго Собесѣдника за прошлый годъ, да только сказанное тамъ о послѣдователяхъ Покровской часовни, дѣйствительно приравнивавшихъ бракъ къ таинствамъ крещенія и покаянія, приписали Алексѣеву, или, наконецъ, желая отстоять разъ возникшую въ головѣ вашей мысль, закрываете глаза отъ всего, что опровергаетъ ее. Последнее предположеніе я позволяю себѣ потому, что слова Алексѣева, помѣщенные мною на 129 стр. перваго выпуска, и вы привели въ своемъ письмѣ, только опустили изъ нихъ то, что, какъ послѣ будетъ видно, прямо опровергаетъ и ваше разсужденіе относительно Алексѣева, и вашъ взглядъ на ученіе его о

бракъ, какъ таинствѣ. Наконецъ, в) ваши слова: «бракъ... можетъ быть вполне правильно (въ видѣ таинства) совершаемъ», дѣйствительно—ваши, а не Алексѣева, который во всей книгѣ «о тайнѣ брака» ни разу не употребилъ словъ: «правильно, т. е. въ видѣ таинства».

Послѣ всего сказаннаго о вашихъ «посылкахъ», я надѣюсь, вы признаете за мною право не согласиться и съ вашимъ выводомъ, основаннымъ на нихъ, т. е., что будто бы «приписывать Алексѣеву воззрѣніе на бракъ, какъ на союзъ естественный, или гражданскій, чуждый благодатнаго таинственнаго освященія, значитъ внести въ заключеніе то, чего не дано въ посылкахъ».

Приступаю къ дальнѣйшему разбору вашихъ доказательствъ, которые вы приводите въ подтвержденіе мысли, будто мой взглядъ на ученіе Алексѣева о бракъ, не какъ таинствѣ, а какъ естественномъ или гражданскомъ союзѣ, невѣренъ. «Что Иванъ Алексѣевъ», пишете вы, самъ почиталъ предлагаемый имъ бракъ за таинство, тому свидѣтель вся его книга, начиная съ ея заглавія: «о тайнѣ брака».

На мой взглядъ, это заглавіе книги показываетъ только, что Алексѣевъ *называлъ* бракъ тайной; но разумѣлъ ли онъ подъ этимъ названіемъ бракъ, какъ таинство, это еще вопросъ, который я рѣшаю въ отрицательномъ смыслѣ. Раскольники называютъ *тайной* и аллилуію; но изъ этого, разумѣется, еще не слѣдуетъ, будто они признаютъ ее таинствомъ въ церковномъ смыслѣ. Однимъ словомъ: одно и тоже названіе можетъ скрывать подъ собою понятія и вещи совершенно различныя. Мы съ вами, какъ лица право-

славныя, подъ церковію разумѣемъ собраніе вѣрующихъ съ іерархіею и таинствами,—раскольники-безпоповцы тѣмъ же словомъ означаютъ свое общество, въ которомъ, какъ извѣстно, нѣтъ іерархіи, а равно и таинствъ, за исключеніемъ крещенія и покаянія, совершаемыхъ мірянами.

«Весь подвигъ его (Алексѣева) жизни, продолжаете вы, и все намѣреніе его ученаго изслѣдованія въ томъ только и состоитъ, чтобы обществу безпоповцевъ, которые потому единственно и отвергли бракъ, что онъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть совершенъ безъ правильнаго священства, доказать, что, напротивъ того, и при отсутствіи истиннаго священства исполнѣ возможно совершеніе брака, какъ таинства. Именно: брака, какъ таинства; ибо что касается гражданскаго брака, то я говорю нечего, что онъ можетъ быть совершенъ безъ священника: тутъ нечего было бы и доказывать и не за чѣмъ было бы предпринимать тѣхъ дальнихъ странствій и тѣхъ усидчивыхъ книжныхъ изысканій, на которыя обрекъ себя еще съ отроческаго возраста Иванъ Алексѣевъ».

Я не имѣю побужденій оспаривать вашу мысль о томъ, что у Алексѣева было намѣреніе ввести въ безпоповщину бракъ, какъ таинство; только утверждаю, что намѣренію этому не суждено было исполниться, и въ книгѣ своей онъ говоритъ о бракѣ не какъ таинствѣ, но какъ о естественномъ, или гражданскомъ, союзѣ. Другими словами: я не допускаю въ Алексѣевѣ предвзятой мысли и желанія—уничтожить значеніе брака, какъ таинства, и думаю, что онъ пришелъ къ понятію о бракѣ, какъ естественномъ союзѣ, въ слѣдствіе неправильно понятыхъ имъ тѣхъ «исторій

и книгъ», которыя усидчиво перечитывать съ цѣлю — уничтожить безпоповщинское всеобщее безбрачіе и слѣдовавшій за нимъ развратъ. А какъ скоро Алексѣевъ убѣдился, что бракъ не таинство и что, слѣдовательно, онъ возможенъ и при отсутствіи православнаго священства, онъ сталъ и доказывать свою мысль тѣмъ, кто, выходя изъ другаго взгляда на бракъ, утверждалъ, будто нынѣ, за разсыпаніемъ руки освященныхъ, онъ уже невозможенъ.

«И способъ доказательствъ, продолжаете вы, и самый источникъ ихъ былъ бы въ такомъ случаѣ иной: за чѣмъ бы Ивану Алексѣеву, если бы онъ вздумалъ предлагать бракъ гражданскій, искать подтвержденія своей мысли въ Большомъ Катихизисѣ или Кормчей, гдѣ ни о какомъ другомъ бракѣ, кромѣ признаваемаго церковію, слѣдовательно, таинственнаго и благодатнаго, не можетъ быть и рѣчи? Зачѣмъ ссылаться на Діонисія Ареопагита и на свидѣтельства ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи?».

Алексѣевъ ссылался на указываемые вами книги и исторіи потому, что а) какъ самъ онъ былъ раскольникъ, такъ и рѣчь свою о бракѣ велъ съ раскольниками же, которые, какъ извѣстно, свои недоумѣнія даже о самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ предметахъ — одеждѣ, пищѣ, бородѣ и проч. любятъ разрѣшать свидѣтельствами «божественнаго писанія», подъ именемъ котораго они разумѣютъ и разные катихизисы и кормчія и другія книги; а вопросъ о бракѣ по важнѣе бороды даже и для раскольника; б) на Большой Катихизисѣ, Кормчую, Діонисія Ареопагита и пр. Алексѣевъ могъ ссылаться тѣмъ легче, что въ этихъ-то книгахъ онъ и нашелъ мнимыя основанія считать

бракъ не тайнствомъ, какъ понимаетъ это слово церковь православная.

«Да и кому бы, замѣчаете вы, стать онъ (Алексѣевъ) предлагать гражданскій бракъ? Обществу, которое все условія своей жизни опредѣляло началомъ религіознымъ, или церковнымъ, и которое одной минуты не потратило бы на разговоръ о бракъ гражданскомъ, ни на что ему не нужномъ?»

Ваша правда, что раскольники все условія своей жизни опредѣляютъ религіознымъ, или церковнымъ, началомъ; только это обстоятельство не помѣшало Ильѣ Ковылину взглянуть на отношенія половъ съ точки зрѣнія, по вашему выраженію, современныхъ женскихъ эмансипаторовъ, а еодосѣвцамъ нашего времени—вступать въ брачныя сожительства «по взаимному соглашенію жениха и невѣсты и по благословенію родителей, при домашней молитвѣ», и печатно называть такія сожительства *гражданскими браками* (Соврем. Лѣтоп. 1864 г. № 33, стр. 12). А вѣдь послѣдователи Алексѣева чувствовали нужду въ бракъ не менѣе современныхъ намъ еодосѣвцевъ.

«Вѣдь вы сами же говорите, замѣчаете вы мнѣ, въ положеніи 3-мъ, что исканіе выговскими поморцами, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, архіерея на востокъ было вызвано, главнымъ образомъ, вопросомъ о бракъ. Не ясно ли изъ этого, какой бракъ, освященный или гражданскій, былъ нуженъ безпоповскому согласію?»

Дѣйствительно, безпоповцы первой половины прошлаго столѣтія нуждались въ бракъ, какъ тайствѣ; только Алексѣевъ не могъ имъ предложить такого брака и указалъ другой, какъ союзъ естественный

или гражданскій; и послѣдователи его стали вступать въ такой бракъ по той же пресловутой «нуждѣ», на которую такъ любятъ ссылаться раскольники, когда имъ приходится нарушать завѣщанную отцами старину и церковныя преданія.

Такимъ образомъ и это *разсужденіе* ваше не доказываетъ прямо того, будто Алексѣевъ смотрѣлъ на бракъ, какъ таинство. Гдѣ же фактическія основанія, давшія вамъ право утверждать, будто бы я понялъ ученіе Алексѣева невѣрно? Сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ моей книги, указывающихъ, какимъ путемъ дошелъ Алексѣевъ до своеобразнаго понятія о бракѣ, вы въ концѣ приводите слѣдующія слова Алексѣева, взятая изъ моего сочиненія: «*тайна* брака не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божія оного содѣательства и Божіихъ оныхъ словесъ... По сему церковь неразиственно всѣ браки имяше... и отъ всякаго языка, аще отъ еллинъ, незнающихъ Бога, аще отъ жидовъ, и аще отъ еретиковъ приходящія со своими ихъ браки пріемлетъ въ томъ же дѣйствѣ, точію бы въ нихъ было законно по коегождо обычаю совокупленіе. *Прочія же тайны, кромь сея единыя, святая церковь не пріемлетъ*». Прошу васъ выкинуть, пишете вы, въ послѣднія курсивомъ напечатанныя слова; неужели изъ нихъ не ясно, что Иванъ Алексѣевъ не исключалъ брака изъ семи церковныхъ тайнъ, а напротивъ считалъ его именно одною изъ этихъ тайнъ, но только находилъ въ ней извѣстную, выше объясненную особенность» (т. е. что бракъ можетъ быть совершенъ и при отсутствіи правильнаго священства).

Признаюсь откровенно, вы изумляете меня ориги-

нальностью вашихъ умозаключеній. Алексѣевъ говоритъ, что бракъ, будетъ ли онъ заключенъ между язычниками, жидами, или еретиками, имѣетъ одинаковое значеніе и силу, одинаково законенъ и правиленъ, какъ и бракъ христіанскій. — а вы утверждаете, на основаніи такого разсужденія автора книги «о тайнѣ брака», что онъ считалъ бракъ одною изъ семи *церковныхъ тайнъ*. Да скажите пожалуйста, развѣ въ язычествѣ, жидовствѣ и проч. есть и могутъ быть церковныя таинства? Правда, Алексѣевъ здѣсь же называетъ бракъ языческій, жидовскій, еретическій — тайною; но развѣ онъ не указываетъ въ то же время и существеннаго отличія этой тайны отъ прочихъ тайнъ церковныхъ, когда говоритъ, что церковь, кромѣ брака, никакой другой тайны не приѣмлетъ не только отъ язычниковъ, у которыхъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо тайнахъ въ смыслѣ христіанскомъ, но даже и отъ іудеевъ, у которыхъ кромѣ брака есть и муропомазаніе и исповѣданіе грѣховъ, только не въ смыслѣ таинствъ христіанскихъ, какъ мы ихъ разумѣемъ, и отъ еретиковъ, изъ которыхъ у многихъ имѣются всѣ семь христіанскихъ таинствъ? На основаніи слова: *тайна*, которымъ называетъ Алексѣевъ бракъ и языческій, наравнѣ съ христіанскимъ, выводитъ заключеніе о взглядѣ Алексѣева на бракъ, какъ одно изъ семи церковныхъ таинствъ, значить, по моему мнѣнію, поступать подобно нѣкоторымъ современникамъ троискаго архимандрита Діонисія, о которыхъ одинъ изъ его сотрудниковъ замѣчалъ, что они «писанія точію по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся вѣдѣти».

Къ моему искреннему сожалѣнію, я нахожусь вы-

нужденнымъ; во имя истины, которую мы съ вами отыскиваемъ, сказать еще болѣе. Чтобы отстоять *свой* взглядъ на спорный вопросъ, вы не только не хотѣли вникнуть въ смыслъ рѣчи Алексѣева и привязали ваше вниманіе къ одному его слову, — вы еще позволили себѣ привести слова Алексѣева о значеніи брака не въ цѣломъ ихъ видѣ, какъ приведены они у меня, но съ пропускомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя и показываютъ истинный взглядъ автора книги «о тайнѣ брака» на бракъ, т. е. употребили приемъ, къ какому прибѣгали иногда противники Алексѣева, стараясь отстоять свои неправильныя мысли (вып. 1, стр. 136). Но «мы, скажу словами Алексѣева, сполна воспримемъ» отрывочно приведенное вами мѣсто, «да разумно покажется глаголемое». «Тайна брака, писалъ Алексѣевъ, не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божіаго онаго содѣтельства и Божіихъ оныхъ словесъ, *(послѣдство имущи на основаніи плотскаго договора)*. Прочія же тайны церковныя на страданіи Христовѣ основаніе имутъ и точію благодатію Св. Духа совершаются: аще крестити, аще рукоположити, аще миро освятити, вездѣ благодати потреба чрезъ Христа, коея еретицы не имутъ: тѣмъ же и тайны сія не могутъ за тайны вмѣняться, яко не отъ Христа и Духа Св. начало и совершенство свое имутъ... Посему церковь неразвѣстненно всѣ браки имаше» (вып. 1, стр. 129) и проч., что уже приведено выше. Призываю во свидѣтели всѣхъ, кто имѣетъ понятіе о таинствѣ въ христіанскомъ смыслѣ, и прошу ихъ сказать, не на основаніи соображеній, а на основаніи приведенныхъ словъ Алексѣева, кто изъ насъ вѣрнѣе смотритъ на ученіе его о бракѣ, г.-ли Филиповъ, утверждающій,

что Алексѣевъ считалъ бракъ церковнымъ таинствомъ, наравнѣ съ крещеніемъ и покаяніемъ, или я, признавшій бракъ Алексѣева не болѣе, какъ союзомъ естественнымъ, т. е. чуждымъ, по словамъ г. Филиппова, благодатнаго таинственнаго освященія? Впрочемъ, къ чему обращаться къ посредству другихъ, когда самъ Алексѣевъ рѣшаетъ споръ безапелляціонно. Онъ прямо и ясно говоритъ, что только крещеніе, миропомазаніе и другія *церковныя* тайны основаніе имѣютъ на Христовомъ страданіи и совершаются благодатію Св. Духа; основаніемъ же брака служить плотской договоръ брачующихся, а сила его зависитъ не отъ церковнаго дѣйствія, т. е. священнословія, но отъ первоначальнаго Божія благословенія мужу и жемъ. Поэтому бракъ, какъ тайна, независимая отъ благодати Св. Духа и ненуждающаяся въ ней, можетъ быть законно совершенъ и въ язычествѣ, и въ жидовствѣ, и между еретиками; между тѣмъ какъ другія церковныя тайны возможны только въ православной церкви, такъ какъ онѣ совершаются благодатію Св. Духа, которой не только язычники и іудеи, но даже и еретики не имѣютъ. Отъ того-то церковь бракъ, гдѣ бы онъ ни былъ совершенъ, принимаетъ за бракъ, когда вступившіе въ него по обычаю своего общества, будетъ-ли оно языческое или еретическое, приходятъ къ ней; всѣхъ же другихъ таинствъ, совершенныхъ внѣ ея ограды, она не принимаетъ, такъ какъ знаетъ, что нигдѣ, кромѣ ея, таинства невозможны (1)».

(1) На этомъ-то основаніи, Алексѣевъ, позволявшій своимъ последователямъ вѣнчаться въ церкви еретической, гдѣ нѣтъ благодати, запрещалъ имъ принимать отъ нея всѣ другія таинства, какъ невозможныя въ еретической церкви, о чемъ выше уже замѣчено.

Я надѣюсь, что точно передалъ истинный смыслъ словъ Алексѣева, и, кажется, имѣю право сказать, что ваше замѣчаніе, будто отзывъ мой объ ученіи Алексѣева—несвѣрсить, несправедливо. Я не стану входить въ разслѣдованіе, почему вы опустили слова Алексѣева, которыя главнымъ образомъ и дали мнѣ основаніе признать бракъ его не таинствомъ, а союзомъ естественнымъ; но думаю, что если бы вы на нихъ обратили вниманіе, ваше недоумѣніе, за разрѣшеніемъ котораго вы обратились ко мнѣ, прошло бы само собою, и вы тогда не написали бы, будто «во всей моей книгѣ, исполненной многоразличныхъ выписокъ и ссылокъ, вы не нашли ни одного подлиннаго слова Алексѣева о томъ, чтобы онъ самъ предлагаемый имъ бракъ не считалъ за таинство и чтобы въ замѣну бывшаго въ Христовой церкви таинственнаго союза мужа и жены, во образъ союза Христа съ церковію, онъ предлагалъ новый, имъ самимъ вымышленный, бракъ естественнаго, или гражданскаго характера».

Что самъ Алексѣевъ не считалъ предлагаемаго имъ брака за таинство въ церковномъ смыслѣ, это вы сейчасъ видѣли; что онъ смотрѣлъ на него, какъ на союзъ естественный, это также ясно видно изъ вышеприведенныхъ словъ его о томъ, что основаніемъ брака служитъ *плотской договоръ* брачующихся лицъ. А что Алексѣевъ смотрѣлъ еще на предлагаемый имъ бракъ, какъ на союзъ гражданскій, это видно изъ его собственныхъ словъ, приведенныхъ мною на стр. 190 и 193 перваго выпуска. Говоря о тѣхъ изъ раскольниковъ, которые, въ слѣдствіе возгласовъ своихъ наставниковъ о томъ, что вѣнчаться въ еретической

церкви, какъ требовалъ того Алексѣевъ; значить отступать отъ вѣры, принять печать антихриста и проч., стали вступать въ брачныя сожителства *безъ вѣнчанія*, по одному взаимному согласію между собою, Алексѣевъ такъ выражается: «и сихъ ради учительскихъ въ нихъ изглашеній на бракъ послѣдующій злообычный ихъ народъ *гражданскій обычай* въ поятіи женъ весьма отложиша, да не горшіи блудниковъ предъ учителями своими явятся и милости ихъ не отщетаются; тѣмъ-же обычаемъ манихейскимъ мужъ со женою поемлются, и не въ бракъ, но въ блудъ; вмѣняяще браковѣнчаніе во отсутство, по себѣ самихъ женятся».

Изъ этихъ выраженій Алексѣева я вывожу слѣдующее: если онъ обычай вѣнчать браки въ церкви, (хотя бы и еретической), называлъ *гражданскимъ* (потому ли, что вѣнчанію, какъ дѣйствию церковному, не придавалъ никакого значенія, да и не считалъ его необходимымъ для существа брака, потому-ли, что только заключенные такимъ образомъ браки гражданская власть признавала правильными (вып. 1, стр. 129-30 и 193), или наконецъ потому, что, какъ думали послѣдователи Покровской часовни, вѣнчаніе брака въ церкви было установлено для законности брака не церковію, а властію гражданскою, или частище: Алексѣемъ Комнинымъ (тамъ-же, стр. 142, 252-3), для меня все равно) и въ то же время требовалъ, чтобы послѣдователи его вступали въ бракъ именно путемъ вѣнчанія, и только такимъ образомъ заключенный бракъ признавалъ правильнымъ; то, мнѣ думается, я не погрѣшилъ противъ Алексѣева, сказавъ, что онъ смотритъ на предлагаемый имъ бракъ

не какъ на таинство, но какъ на союзъ естественный, или по крайней мѣрѣ *гражданскій*. Это замѣчаніе я предлагаю не только вашему вниманію, но и благоусмотрѣнію рецензента моего въ Православномъ Собесѣдникѣ, который говоритъ, что «только въ томъ случаѣ бракъ Алексѣева можно было-бы назвать строго гражданскимъ, если бы онъ устранилъ необходимость вѣнчанія въ православной церкви» (Правосл. Собес. 1870 г., май, стр. 35). Я напротивъ потому и называю бракъ Алексѣева гражданскимъ, что онъ требовалъ для его заключенія вѣнчанія въ церкви, на которое смотрѣлъ, какъ на обычай гражданскій. Конечно, тутъ нѣтъ полного сходства съ бракомъ гражданскимъ, какъ мы его понимаемъ теперь; но существо дѣла одно и тоже. Вѣнчаніе въ церкви, по мысли Алексѣева, значило *тоже*, что «утвержденіе общественною властію» современныхъ гражданскихъ браковъ, гдѣ они существуютъ.

б) Утверждая, будто я невѣрно понялъ взглядъ Алексѣева на бракъ, вы прибавляете, что взглядъ мой на это дѣло еще и оскорбителенъ для памяти этого честнаго дѣятеля. Въ чемъ же это оскорбленіе, позвольте васъ спросить? Въ томъ, отвѣчаете вы, что я «приравнялъ ученіе Алексѣева къ ученіямъ современныхъ намъ ревнителей женской эмансипаціи». Правда, показавъ, какъ смотритъ Алексѣевъ на вѣнчаніе, опредѣливъ значеніе брака, какъ понималъ его авторъ книги: «о тайнѣ брака», (т. е. показавъ, что онъ считалъ его не таинствомъ, а союзомъ естественнымъ или гражданскимъ), я замѣтилъ: «какъ ни страннымъ можетъ показаться читателю, что Алексѣевъ — раскольникъ, котораго мы привыкли считать жаркимъ

ревнителемъ старины и буквы, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія заговорилъ о бракѣ подобно современнымъ намъ ревнителямъ женской эмансипаціи, однако смѣемъ увѣрить, что мы изложили ученіе его совершенно вѣрно» (вып. 1, стр. 122—3). Но что-же тутъ оскорбительнаго для Алексѣева? Помните, говорите вы, стремленія современныхъ ревнителей женской эмансипаціи извѣстны; эти люди хотятъ, чтобы «въ вопросѣ о союзѣ между лицами разнаго пола ихъ личному чувству и влеченіямъ предоста-вить полную и ничѣмъ не ограниченную свободу не только до вступленія ихъ въ этотъ союзъ, но и по заключеніи онаго; пока обоимъ вступившимъ въ такой союзъ лицамъ нравится жить вмѣстѣ,— они живутъ; какъ скоро одному изъ нихъ перестало это нравиться, онъ можетъ съ правомъ искать новаго союза, столь же мало для него обязательнаго, какъ и первый, и такъ далѣе, смотря по темпераменту, до третьяго, седьмаго, двадцатаго, сотаго, безъ малѣйшаго при этомъ помышленія и заботы о нравствен-номъ состояніи и внѣшней судьбѣ покидаемыхъ имъ лицъ и даже прижитыхъ съ ними дѣтей». И затѣмъ, указавъ на Люкрецію Флоріани Жоржъ-Заида и на правила, которыми она руководствовалась въ своихъ сближеніяхъ съ отцами своихъ дѣтей, вы заключаете: «потрудитесь же примѣрить къ этой схемѣ отноше-ній между полами ученіе Ивана Алексѣева, и ска-жите, что вы нашли между ними общаго?»

Позвольте же вамъ сказать, что когда я указы-валъ на сходство ученія Алексѣева о бракѣ съ уче-ніемъ современныхъ ревнителей женской эмансипа-ціи, я имѣлъ въ виду, какъ вы можете видѣть изъ

связи рѣчи, не заграничные типы, которые вы рисуете, а тѣхъ нашихъ доморожденныхъ защитниковъ женскихъ правъ, которые, какъ показываетъ современная литература, и въ частности 2 № «Бесѣды», считая себя сынами православной церкви, въ то же время не приписываютъ браку значенія таинства, съ предубѣжденіемъ относятся къ церковному вѣчанію, ставятъ ни во что священническое благословеніе и смотрятъ на бракъ не болѣе, какъ на дѣло житейское, или, по крайней мѣрѣ, какъ на союзъ гражданскій. Если я «приравнялъ», какъ выражаетесь вы, къ подобнымъ господамъ Алексѣева, мнѣ думается, и нимало не оскорбилъ его, а только сказалъ правду; такъ какъ и онъ, какъ я доказалъ вамъ, смотрѣлъ на бракъ не какъ на таинство, а какъ на естественный, или гражданскій союзъ, и церковному вѣчанію брака не приписывалъ никакого существеннаго значенія. Если же вы скажете, что Алексѣевъ требовалъ неразрывности брака, о чемъ и говорится во 2 положеніи, между тѣмъ какъ современные ревнители женской эмансипаціи, которыхъ я имѣлъ въ виду, всего болѣе и вооружаются противъ неразрывности брака,—я отвѣчу вамъ на это, что оттого я и не сказалъ, что Алексѣевъ училъ о бракѣ *такъ же, какъ* учатъ о немъ современные ревнители женской эмансипаціи, но—*подобно*. Будьте же внимательны къ чужимъ словамъ и выраженіямъ; они говорятся и пишутся не наобумъ.

в) Въ подтвержденіе той мысли, будто отзывъ мой объ Алексѣевѣ и его ученіи не только невѣренъ и оскорбителенъ для него, но даже противорѣчитъ моимъ собственнымъ словамъ о характерѣ ученія и

дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка, сказаннымъ въ другомъ мѣстѣ моей книги, вы ссылаетесь на слѣдующія слова: «потому ли, что ученіе защитниковъ всеобщаго дѣвства со всѣми основаніями, на которыхъ оно утверждалось, будучи сопоставлено съ ученіемъ Ивана Алексѣева о бракѣ, являлось въ глазахъ людей непредубѣжденныхъ и безпристрастныхъ слишкомъ натянутымъ и фальшивымъ, или потому, что нужда брачнаго сожитія слишкомъ живо чувствовалась невольными дѣвственниками, вслѣдствіе господствовавшаго въ средѣ ихъ разврата, только все, что было въ непоповщинѣ болѣе честнаго и способнаго на принятіе слова истины, стало на сторону Алексѣева и готово было воспользоваться его совѣтами въ устроеніи своей жизни» (вып. I, стр. 149). Приведа это мѣсто, вы спрашиваете съ недоумѣніемъ: «какимъ же дивомъ «слово истины» оказалось на сторонѣ Ивана Алексѣева, который, по вашему же мнѣнію, признавалъ бракъ не за таинство, а за гражданскій союзъ, сходился въ своемъ воззрѣніи на брачный союзъ со взглядами ревнителей женской эмансипаціи и въ этомъ именно пунктѣ своего ученія явился, какъ вы выразились, истымъ расколъникомъ? Слово истины и гражданскій бракъ! Слово истины и эмансипація женщинъ! Слово истины и истый расколъ!»

А когда Алексѣевъ говорилъ своимъ братіямъ по вѣрѣ, требовавшимъ отъ всѣхъ безбрачія, что подобное требованіе—незаконно, что тѣ только обѣты дѣвства угодны Богу, которые даются по доброй волѣ, а не по принужденію, что къ дѣвству призываются Господомъ только тѣ, кои могутъ нести этотъ высо-

кій подвигъ, что бракъ не можетъ препятствовать спасенію истиннаго христіанна, что онъ такъ же, какъ и дѣвство, установленъ отъ Бога и святъ, что обязывать всѣхъ обѣтами дѣвства значить неизбѣжно вести слабыхъ къ паденію, идти противъ воли Творца, сотворившаго мужа и жену, и обрекать родъ человѣческій на уничтоженіе, что церковь Христова тѣхъ, кои рѣшительно и безусловно отвергали бракъ, признавала еретиками (вып. I, стр. 120) и проч. и проч.,—развѣ онъ говорилъ ложь? Или когда авторъ книги «о тайнѣ брака» разъяснялъ и въ православномъ смыслѣ объяснялъ едосѣвцамъ разнаго рода тексты св. Писанія и свидѣтельства св. отцевъ, на которыхъ они основывали свое неправильное ученіе о прекращеніи въ мірѣ брака и о невозможности вступать въ него въ настоящее время, — когда онъ указывалъ имъ точный смыслъ правилъ соборныхъ и доказывалъ подложность свидѣтельствъ, сочиненныхъ самими же едосѣвцами и выданныхъ подъ именемъ разныхъ св. отцевъ и учителей церкви (тамъ же, стр. 135—148),—развѣ онъ говорилъ не истину? Еще: когда Алексѣевъ, желая подтвердить свой неправильный взглядъ на бракъ, какъ не таинство, а союзъ естественный, или гражданскій, указывалъ на практику первенствующей церкви, по которой церковь принимала супруговъ, переходившихъ къ ней изъ язычества, или еретичества, не вѣнчая ихъ вновь (тамъ же, стр. 127—129), — развѣ онъ говорилъ неправду? Чего же вы недоумѣваете и чему дивитесь, если я, не смотря на неправильный взглядъ Алексѣева на бракъ, какъ союзъ естественный, сказалъ, что въ ученіи его было и «слово истины»? Или вы ду-

маете, что расколъ и истина ... слова, несомвѣстимыя ни въ какомъ случаѣ. и что истый раскольникъ не можетъ уже сказать ни одного слова правды? Точно также ужели, по вашему, и въ толкахъ о гражданскомъ бракѣ и объ эмансипации женщинъ нѣтъ и не можетъ быть своей доли истины? А если бы вы обратили вниманіе на то, какими выраженіями обставлено и послѣ какихъ разсужденій сказано мною «слово истины», оно не возбудило бы въ васъ никакого недоумѣнія; контекстъ прямо указываетъ на то, что на сторонѣ Алексѣева, по моему мнѣнію, было больше правды, чѣмъ на сторонѣ лицъ, защищавшихъ въ его время безпоповщинское безбрачіе. Или, по вашему, сказать, что такой-то въ одномъ ошибается, а въ другомъ — правъ, значитъ допустить противорѣчіе? Опять невольно припоминается мнѣ сотрудникъ Діонисія архимандрита, писавшій: «симъ, во искуствѣ не бывшимъ, обычай есть, не точію на едину строку зрять, но на едину токмо рѣчь (т. е. слово) смотря и разсуждая»...

Последнее недоумѣніе вапе относительно Ивана Алексѣева, возбужденное моею книгою, состоитъ въ слѣдующемъ вопросѣ: почему я предлагаемый Алексѣевымъ бракъ считаю *не только неправильнымъ*, но даже вовсе исключаю его изъ ряда таинствъ, между тѣмъ какъ *браки раскольниковъ*, совершавшіеся (на первыхъ порахъ ихъ отпаденія) *помимо православной церкви*, священниками, державшимися прежнихъ обрядовъ, признаю *браками, въ сущность дѣла правильными*. «Чѣмъ же эти браки, спрашиваете вы, правильнѣе тѣхъ, которые заключались, по ученію Ивана Алексѣева?... За что же вы къ нему столь

безмѣрно строги. тогда какъ къ заблужденіямъ болѣе важнымъ являете столь же безмѣрное снисхожденіе?»

Если бы вы внимательнѣе прочитали мою книгу, вы не предложили бы мнѣ такого вопроса. Потрудитесь заглянуть на 186 стр. перваго выпуска, и вы убѣдитесь, что браки, въ которые вступали послѣдователи Алексѣева путемъ вѣнчанія въ православныхъ храмахъ, я называю законными и правильными. Вы, конечно, удивляетесь такому открытію и, видя въ моемъ признаніи еще большее противорѣчіе, мысленно спрашиваете: «какимъ же образомъ я, считая предлагаемый Алексѣевымъ бракъ не только неправильнымъ, но даже не таинствомъ, могъ назвать браки его послѣдователей законными и правильными?» Очень просто: Алексѣевъ и, вѣроятно, его послѣдователи, если только они хорошо понимали его ученіе, смотрѣли на бракъ неправильно, не считали его таинствомъ; но такъ какъ они вступали въ брачные союзы правильнымъ путемъ, т. е. чрезъ вѣнчаніе въ православныхъ храмахъ, то и браки ихъ были формально правильны, или точнѣе: надъ ними совершалось дѣйствительное таинство брака, такъ какъ, по ученію православной церкви, личное расположеніе и настроеніе пріемлющихъ таинство не можетъ препятствовать совершенію надъ ними таинства; оно можетъ только послужить причиною того, что совершенное надъ ними таинство не только не сообщитъ имъ свойственной ему благодати, но еще послужитъ имъ въ судъ и во осужденіе. хотя таинство будетъ совершено и останется таинствомъ. «Мы считаемъ, писали восточные патріархи, крайне

ложнымъ и нечистымъ то ученіе, будто несовершенствомъ вѣры нарушается цѣлость и совершенство таинства» (Посл. вост. патр. о правосл. вѣр. чл. 15). Поэтому, вопреки вашему мнѣнію, я думаю, что и Иуда былъ причастникомъ великой тайны, совершившейся на тайной вечери, если только допустить, что хлѣбъ, котораго онъ вкусилъ; былъ не хлѣбомъ ветхозавѣтной пасхи, а хлѣбомъ, который Спаситель называлъ тѣломъ Своимъ; только, какъ недостойный участникъ божественной трапезы, Иуда *судъ себѣ тѣла*, по выраженію апостола, *не разсуждая тѣла Господня* (1 Кор. XI, 27—9). Вообще мысль, будто дѣйствительность таинствъ зависитъ отъ расположенія и отъ вѣры лицъ, пріемлющихъ таинства, — мысль неправославная, лютеранская (Прав. догм. Богосл. преосв. Мак. 1857 г. Т. II, стр. 243). «Отъ приступающихъ къ таинствамъ, скажу словами преосвященнаго Макарія, безъ всякаго сомнѣнія, требуется вѣра и надлежащее приготовленіе по уставу церкви; но не для того, чтобы таинства содѣлались таинствами и могли дѣйствовать благодатию, а чтобы принятіе таинствъ было достойное, чтобы оно не обратилось въ судъ или осужденіе недостойно пріемлющимъ, и чтобы дѣйствія принятой благодати были вполне спасительными и плодоносными въ душахъ вѣрующихъ» (тамъ же, стр. 395).

Въ силу такого взгляда на дѣло, я называлъ правильными не только браки послѣдователей Алексѣева, но даже и браки тѣхъ раскольниковъ, которые въ прошлое царствованіе, въ слѣдствіе особенныхъ мѣръ власти, вѣнчались въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, иногда даже безъ предварительнаго

присоединенія къ церкви и безъ всякаго внутренняго расположенія къ православной святынь. Таинство брака надъ ними совершалось, и браки ихъ формально были правильными; иное дѣло, освящала ли ихъ эта святыня и хорошо ли поступала власть, разрѣшая священникамъ совершать таинство брака надъ лицами, въ расположеніи которыхъ къ православной святынь можно было, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться? Если же я на 159 стр. втораго выпуска выразилъ сожалѣніе о томъ, почему въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія епархіальная власть и св. Синодъ не разрѣшали вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ храмахъ безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, то сдѣлалъ это потому, что, во-первыхъ, подобные браки считаю формально, на основаніи сейчасъ указанныхъ причинъ, болѣе правильными, чѣмъ супружества раскольничьи, заключающіяся по одному взаимному согласію; во-вторыхъ, многіе раскольники сами изъявляли желаніе вѣнчаться въ православныхъ храмахъ и тѣмъ показывали свое душевное расположеніе къ православной святынь (см. выш. 11, стр. 54—5); въ-третьихъ, въ такомъ разрѣшеніи я видѣлъ средство къ сближенію раскольниковъ съ церковію, на что и указали просившіе разрѣшенія (тамъ же, стр. 159), въ-четвертыхъ, въ такомъ запрещеніи я видѣлъ непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ власти, такъ какъ еще въ 1777 году св. Синодомъ было разрѣшено вѣнчать раскольниковъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, и еще въ 1764 году Синодъ опредѣлялъ: тѣхъ изъ раскольниковъ, которые церкви православной не чуждались и таинства церковныя отъ православныхъ

священниковъ принимали, но по неразумію оставались при своихъ, такъ называемыхъ, старыхъ обрядахъ, отъ входа церковнаго и отъ таинствъ не отлучать и за раскольниковъ не признавать «въ надѣяніи такомъ, что они, будучи не отлучены отъ правобѣрныхъ, совершенно православную нашу вѣру познають, а свое не по разуму упрямство оставлятъ и во всемъ церкви святѣй согласны будутъ» (Собр. постан. по ч. раск. кн. 1, стр. 605; вып. перв., стр. 325—7). И если св. Синодъ давалъ въ прошлое царствованіе разрѣшеніе вѣнчать раскольниковъ въ православныхъ храмахъ, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ церкви, съ нѣкоторыми ограниченіями и негласно, — это не значить, будто онъ считалъ подобные браки *неправильными* (см. вып. 1, стр. 152, примѣч.), — «ибо въ противномъ случаѣ, скажу вашими же словами, пришлось бы заключить, что Синодъ разрѣшалъ неправильные браки, чего, очевидно, и быть не могло», — но зависѣло отъ другихъ причинъ, которыя мною и указаны на стр. 58—9 втораго выпуска. Что же касается тѣхъ браковъ раскольничьихъ, которые, въ первую пору жизни раскола, совершались священниками, державшимися прежнихъ обрядовъ, *помимо православной церкви*, то я называлъ ихъ правильными на сѣдующемъ основаніи. «Такъ какъ основаніе законнаго священства, писалъ въ 1859 году досточтимый нашъ канонистъ, покойный преосвященный Смоленскій Іоаннъ, есть непрерывное преемство даровъ Св. Духа отъ апостоловъ, чрезъ священноначальственное рукоположеніе, то и въ обществахъ, сохранившихъ у себя непрерывность этого преемства, должно быть признаваемо священство канонически

правильнымъ, хотя бы эти общества отдвлялись отъ православной церкви въ какихъ либо частныхъ мнѣніяхъ, не касающихся основаній вѣры, сущности и силы таинствъ, или въ какихъ либо своеобразныхъ обрядахъ» (Прав. собес. 1859 г., ч. 2. стр. 280 -- 1). А если такъ, то вы, конечно, согласитесь со мною, что и священники, перешедшіе на сторону раскола въ первую пору его жизни, какъ получившіе правильное поставленіе въ православной церкви, оставались канонически правильными и послѣ того, какъ изъ-за своеобразныхъ обрядовъ оставили церковь и перешли въ расколъ; слѣдовательно, даже, и браки раскольниковъ, которые совершали эти священники по старопечатнымъ книгамъ, были правильны. А что общее начало для сужденія о правильности того, или другаго, священства, указанное преосвященнымъ Іоанномъ, можетъ и должно быть примѣнено и къ священникамъ, перешедшимъ отъ церкви въ расколъ, въ первую пору его жизни. — видно изъ того, что наши законы допускали къ священнодѣйствию тѣхъ священнослужителей, которые, бывъ первоначально поставлены правильнымъ образомъ въ православной церкви, переходили затѣмъ къ раскольникамъ и потомъ снова обращались къ церкви (тамъ же. стр. 285; собр. постан. по ч. раск., кн. 1. стр. 38). На этомъ основаніи, я думаю, можно считать правильными всѣ раскольничьи браки, которые совершались и совершаются, такъ называемыми, бѣглыми попами, если только эти священники до перехода въ расколъ не были извержены изъ сана за какіе либо пороки и преступленія. И если церковь считала, напримѣръ, браки поповцевъ незаконными, то только потому, что

не могла узнать, дѣйствительно ли они совершены были бѣглыми священниками, лишеными, до перехода въ расколъ, сана, а не какими либо пройдохами, только выдававшими себя за священниковъ, какихъ въ расколѣ всегда бывало не мало, или, какъ говорится въ указахъ св. Синода, поелику эти браки были вѣнчаны «виѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, и неизвѣстными бродягами» (вып. 1, стр. 336; собр. пост., кн. 2, стр. 75), или «неизвѣстнымъ старообрядческимъ священникомъ» (тамъ же, стр. 174).

Послѣ всего сказаннаго, я надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ правѣ сказать, что вашъ упрекъ, будто бы я въ своихъ отзывахъ о томъ или другомъ видѣ раскольничьихъ браковъ противорѣчу и себѣ и существованію дѣла, положительно несправедливъ. Въ одномъ только я не могу не согласиться съ вами, — это въ томъ, что рѣшеніе мною вопросовъ о томъ, въ какой мѣрѣ для правильности брака необходимо: а) чтобы вступающія въ правильный бракъ лица принадлежали къ православной церкви и б) чтобы совершающіе бракъ священнослужители были православны, — было бы полезно для тѣхъ изъ читателей, которые лютеранскія мысли выдаютъ за православныя и къ которымъ поэтому можно весьма справедливо приложить слѣдующія слова сотрудника Діонисіева: «есть, государь Борисъ Михайловичъ, иные и таковы, которые на насъ ересь ввели... Не смѣю же, государь, о оглаголющихъ на насъ неправая рещи дерзновенно, что не знаютъ ни православія, ни кривославія, точно же божественныя писанія по чернилу проходятъ, разума же сихъ не пудятся вѣдѣти».

III. Третье возраженіе ваше относится къ моему

заключенію о безсвященнословномъ бракѣ, который введенъ былъ въ среду безпоповскаго согласія наставникомъ Покровской часовни Василиемъ Емельяновымъ и который я считаю (положеніе 6-ое) въ сущности одинаковымъ съ бракомъ Алексѣева и только по формѣ представляющимъ «новый шагъ на пути удаленія раскольниковъ отъ церковнаго преданія», другими словами: не таинствомъ, а союзомъ гражданскимъ. «Здѣсь, пишете вы, повторяется вами та же ошибка, которую вы допустили въ своемъ отзывѣ объ ученіи Ивана Алексѣева». На сколько я ошибся во взглядѣ на бракъ, который предлагалъ своимъ послѣдователямъ Алексѣевъ, это уже показано мною выше. Что же касается Василя Емельянова и его послѣдователей, то и они, подобно Алексѣеву, смотрѣли на бракъ не какъ на церковное таинство, а какъ на естественный, или гражданскій союзъ. Вы говорите, что это несправедливо и доказываете свою мысль выписками изъ Каталога, или историческаго Словаря Павла Любопытнаго, который, перечисляя разныя сочиненія раскольниковъ писателей, указываетъ, между прочимъ, два (одно Ивана Филиппова, другое—Скочкова) съ слѣдующими заглавіями: «ясное и убѣдительное и духомъ благочестія дышущее показаніе или врачество злочестивымъ бракоборцамъ, увѣряя ихъ и Духомъ Божиимъ, гласящимъ вездѣ, что законный бракъ въ Христовой церкви будетъ существовать вѣчно и онъ совершиться можетъ навсегда свято единымъ того существомъ, кромѣ хиротоніи, будучи предметъ случайной принадлежности, и благословеніемъ сопрягающихся родителей», и еще: «трогательное и живое, духомъ убѣжденія и Христовой любви наполненное, увѣ-

щаніе къ грубымъ Ѳедосіанцамъ и Филипповымъ о явномъ ихъ заблужденіи въ бракоборствѣ: что сія тайна въ Христовой церкви вѣчно имать пребывать, доколѣ міръ сей существуетъ, и что она можетъ совершаться свято, кромѣ хиротоніи». Приведа эти заглавія сочиненій раскольничьихъ писателей, вы заключаете: «итакъ нѣтъ сомнѣнія, что учителя и послѣдователи Покровской часовни проповѣдывали и учили о бракѣ, какъ о церковной тайнѣ, и увѣряли только, что это таинство можетъ быть совершено безъ священника, собственнымъ своимъ существомъ (т. е. взаимнымъ изволеніемъ жениха и невѣсты) и благословеніемъ родителей лицъ, вступающихъ въ бракъ».

Для васъ—такъ, а для меня больше, чѣмъ сомнительно. Тѣ толкованія, какія вы даете вышеприведеннымъ заглавіямъ раскольничьихъ сочиненій, поясняя наприм. слова: «законный бракъ въ Христовой церкви»—словами: «а не гражданскій, какъ вы говорите», или слово: «свято» словами: «слѣдовательно, какъ таинство», сдѣланы вами произвольно и потому не доказываютъ ничего. И при взглядѣ на бракъ, какъ союзъ гражданскій, авторы указанныхъ сочиненій могли сказать, что онъ законенъ, а потому и можетъ совершаться свято, т. е. правильно, безъ нарушенія какихъ либо правилъ. Все, что можно вывести изъ сдѣланныхъ вами выписокъ, состоитъ только въ томъ, что и Скочковъ *называлъ* бракъ тайной. Но я уже выше показалъ и доказалъ, говоря объ Иванѣ Алексѣевѣ, что изъ его названія брака тайною было бы несправедливо, или по меньшей мѣрѣ поспѣшно, заключать, будто онъ смотрѣлъ на бракъ,

какъ въ таинство въ церковномъ смыслѣ, т. е. такое священное дѣйствіе, чрезъ которое сообщается брачующимся особенная благодать Св. Духа. Тоже нужно сказать и объ учителяхъ и послѣдователяхъ Покровской часовни. Прочитайте 246 стр. перваго выпуска и вы увидите, какъ понимали слово «тайна» Скочковъ и его сторонники (см. также въ Сборн. о брак. разныхъ ревн. мужей, т. 14—22). Названіе это было употребляемо и Алексѣевымъ и Покровцами не для обозначенія имъ таинства въ церковномъ смыслѣ, а единственно потому, что этимъ словомъ бракъ назывался и въ Кормчей, и въ Большомъ Катихизисѣ, и перемѣнить его на другое, которое бы ближе выражало существо дѣла, проповѣдники брака или не могли, или вѣрнѣе не хотѣли, чтобы чрезъ такую перемѣну не подорвать кредита своего у тѣхъ, кто вѣрилъ Большимъ Катихизисамъ и другимъ старопечатнымъ книгамъ.

Къ сказанному считаю не лишнимъ прибавить слѣдующее: а) Каталогъ и историческій Словарь Любопытнаго не одно и то же, а два, совершенно отдѣльныя, сочиненія; б) Иванъ Филипповъ умеръ 1744 г., а Покровская часовня устроилась и въ лицѣ Емельянова, Скочкова и др. начала свою проповѣдь въ пользу брака въ концѣ прошлаго столѣтія; слѣдовательно излагать ученіе о бракѣ послѣдователей Покровской часовни, на основаніи сочиненій Филиппова,—не совсѣмъ хронологично; в) я привелъ въ своей книгѣ (вып. I, стр. 176—8) серьезныя основанія, по которымъ не могъ допустить, чтобы выписанное выше изъ Каталога сочиненіе Филиппова съ тѣмъ заглавіемъ, какое дано ему Любопытнымъ, могло принад-

лежать Выговскому настоятелю, а вы, не опровергнувъ этихъ основаній, строите, опираясь на произвольно составленное Любопытнымъ заглавіе, разнаго рода теоріи; г) я доказалъ (тамъ же, стр. 81 — 2, примѣч.; стр. 177, примѣч. 4), что Любопытный, часто по недосмотру, а иногда намѣренно, съ предвзятою мыслию, невѣрно передаетъ заглавіе и содержаніе сочиненій, о которыхъ сообщаетъ свѣдѣнія, и что основываться на его показаніяхъ нужно съ крайнею осторожностію, а вы не только не слѣдуете этому совѣту, но еще позволяете, очевидно, произвольно составленнымъ заглавіямъ сочиненій давать свой произвольный же смыслъ и объясненіе; д) наконецъ Каталогъ Любопытнаго напечатанъ — и не разъ, а вы приводите выписки изъ него по рукописи и тѣмъ не разрѣшаете, а только запутываете спорный вопросъ — для лицъ, которыя не могутъ воспользоваться имѣвшеюся у васъ подъ руками рукописью.

Все это я говорю, впрочемъ, не потому, чтобы не вѣрилъ заглавіямъ сочиненій, приведенныхъ вами по рукописи, хотя эти заглавія и не буквально сходны съ печатными; напротивъ, я знаю, что въ Каталогѣ указано не мало сочиненій, въ которыхъ бракъ называется не только тайною, но даже прямо «тайнствомъ», и что послѣдователи Покровской часовни называли бракъ даже «шестою тайною» и приравнивали его къ таинствамъ крещенія и покаянія (въ видахъ разъясненія истины, я усиливаю ваше возраженіе); только, не смотря на все это, утверждаю, что Емельяновъ, Скочковъ и др. не приписывали (¹) браку зна-

(¹) Дальнѣйшія мысли направлены противъ рецензента этого помѣщенія свою статью въ Прав. Собес. за 1870 г.

ченія таинства — въ томъ смыслѣ, какъ понимасть его христіанская церковь, а смотрѣли на него просто, какъ на союзъ естественный, или гражданскій. Не входя въ подробности, такъ какъ въ этомъ случаѣ мнѣ пришлось бы повторить все, изложенное мною въ книгѣ, я укажу въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что Покровцы не считали бракъ таинствомъ, только на слѣдующее мѣсто изъ моего сочиненія: «и учитель вселенныя, апостолъ Павелъ женитву, не только въ христіанахъ, но и во всѣхъ народахъ похваляетъ: честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно. И симъ словомъ: во всѣхъ — объемлетъ не только христіанскую женитву, но и у язычниковъ законно отправляемые браки» (вып. I, стр. 246). Другими словами: если можно допустить, что въ язычествѣ есть и могутъ быть таинства въ смыслѣ церковномъ, — посаждователи Покровской часовни признавали бракъ за таинство; такъ какъ они свой и вообще христіанскій бракъ ставили на одну доску не только съ ветхозавѣтнымъ, но даже съ языческимъ, бракомъ, и послѣдній ничѣмъ не отличали отъ перваго. А что именно такъ они смотрѣли на дѣло, доказательствомъ могутъ служить слѣдующія слова: «Спаситель міра, будучи на бракъ въ Канѣ Галилейской, ни чѣмъ его въ существѣ не дополнялъ и оставилъ въ своей силѣ» (Сборн. о брак. разн. ревн. мужей, л. 60), и — то обстоятельство, что бракъ, какъ *тайну*, Покровцы допускали и въ ветхомъ завѣтѣ, гдѣ, разумѣется, таинствъ, въ смыслѣ христіанскомъ, не было и быть не могло. «Вседержитель Господь, писалъ Андреянъ Сергѣевъ, творецъ *тайны* брака, повелѣлъ *таинству* сему по изходѣ изъ рая получать свое состояніе въ

царствѣ земномъ, но закону естественному, въ порядкѣ потомственномъ, и продолжаться до кончины всего тлѣннаго», вслѣдствіе чего, по словамъ Сергѣева, «бракъ таинственный въ родѣ человѣческомъ существенно въ своей силѣ по настоящее время продолжается семь тысячъ триста пятьдесятъ лѣтъ (сочиненіе писано Сергѣевымъ въ 1842 г.) и продолжаться будетъ до кончины вселенныя» (тамъ же, л. 46—7; снес. л. 70 об. и др.). Однимъ словомъ: миѣ просто даже непріятно доказывать то, что ясно, какъ день. Почему же? спросите вы. Покровцы называли бракъ тайною шестою и приравнивали его къ таинствамъ крещенія и покаянія? Потому, что во всѣхъ, уважаемыхъ раскольниками, книгахъ бракъ помѣщался въ числѣ таинъ и занимать въ ряду ихъ 6-ое мѣсто, а не потому, чтобы они признавали бракъ таинствомъ, равнымъ по существу крещенію и покаянію. Скочковъ въ сочиненіи: «о таинствѣ законнаго супружества» крещеніе и покаяніе прямо отличаетъ отъ брака и первая «тайны» называетъ «высшими» брака (тамъ же, л. 166), или — такими, которыя «соединяютъ человѣка съ Богомъ», тогда какъ въ бракѣ «только человѣкъ соединяется съ человѣкомъ» (Матер. для истор. безпоп. согласій, ч. II, стр. 90).

Рецензентъ моей книги, помѣстившій свою статью въ Православн. Собесѣдникѣ, указываетъ на то, что нѣкоторые изъ послѣдователей Покровской часовни писали сочиненія «о времени сошествія Св. Духа на чету во время совершенія священнаго ея обряда» и тѣмъ какъ бы признавали таинственную, благодатную сторону въ своемъ безсвященнословномъ бракѣ (Прав. Собес. 1870 г., май, стр. 37). Если бы со-

чиненія съ такимъ заглавіемъ писалъ Скочковъ, или какой либо другой послѣдователь Покровской часовни, еще можно было бы думать, что здѣсь идетъ серьезная рѣчь о благодати, какъ о необходимомъ элементѣ для освященія христіанскаго брака. Но въ устахъ Павла Любопытнаго, учившаго, что «вѣнчаніе есть не болѣе, какъ блестящій церемоніаль, изъ политики установленный для великолѣпной пышности, а не ради оформируванія брачнаго существа», что поэтому указывать на необходимость брачнаго вѣнчанія значитъ «проповѣдывать предрасудокъ, буйство и суевѣріе», что «существо тайны брака есть брачущихся вѣчный обѣтъ, а не чинъ вѣнчанія, или иныя разительности онаго» (Сборн. о брак. разн. ревн. мужей, л. 122 об.), что поэтому и языческій бракъ также законенъ, какъ и христіанскій, и ничѣмъ не отличается отъ послѣдняго (тамъ же, л. 123, об.; снес., л. 108), что бракъ дѣлается законнымъ единственно потому, что «онъ содѣлывается во святилищи брачущихся сердце вѣчнымъ ихъ обѣтомъ» (тамъ же, л. 107, об.), и за такія и подобныя рѣчи заслужившаго отъ самихъ безпоповцевъ названіе Лютера, какъ извѣстно, отвергавшаго бракъ, какъ таинство, — слово «о времени сошествія Св. Духа на чету» брачущихся звучитъ какъ-то странно. Я не знаю, какой моментъ совершенія брачнаго *обряда* указанъ Любопытнымъ, когда Духъ Св. сходитъ, по его мнѣнію, на брачущуюся чету, такъ какъ не имѣлъ подъ руками его сочиненія съ указаннымъ заглавіемъ; но думаю, что человѣку, признававшему достаточною для заключенія брака *всякую церемонію* (вып. I, стр. 384), или точнѣе: не признававшему необходимости никакой пере-

моніи, не легко было приурочить къ какому либо чину, или моменту совершенія брака, время сошествія Св. Духа на брачующуюся чету, и объясняю вышеуказанное заглавіе просто уступкою Любопытнаго тѣмъ изъ «черни», которые называли автора Каталога за его ученіе о бракѣ Манихеевъ и Лютеромъ и, въ слѣдствіе этого, не хотѣли оставить своего безбрачія. И если Любопытный, не придававшій чину вѣнчанія никакого значенія, писалъ «воззванія отъ лица московской церкви всему благочестивому христіанству поморской церкви о приглашеніи ихъ въ Москву къ совершенію обряда брачнаго таинства», а, находясь въ Петербургѣ, даже самъ сочинялъ чины обрученія и вѣнчанія,— это значитъ только, что онъ понималъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло; раскольники, не начинающіе и не совершающіе ни одного, самаго обыкновеннаго, дѣла безъ молитвы, называли бы Любопытнаго не Лютеромъ только, а чѣмъ-либо похуже, если бы онъ сталъ говорить, что такое важное въ жизни дѣло, какъ бракъ, христіане могутъ совершать безъ всякаго молитвословія. Но этому молитвословію ни Любопытный, ни даже Емельяновъ, Скочковъ и др. не придавали никакого таинственнаго значенія, а смотрѣли на него просто, какъ на «моленіе о благополучіи брачующихся» (Сборн. о брак. разн. ревн. мужей, л. 63 и 76. об), подобное тому, какое совершаетъ благочестивый христіанинъ, переходя на житье въ новый домъ, отправляясь въ путешествіе, или рѣшившись на какое-либо серьезное предпріятіе. Поэтому, когда послѣдователи Покровской часовни называютъ свои браки *священно*, или *свято* отправляемыми и *священными*, они выражаютъ этимъ только то, что браки ихъ заключались съ молитвою, а не

то, будто они смотрятъ на бракъ, какъ на таинство въ церковномъ смыслѣ. А что Покровцы смотрѣли на разные «чины вѣнчанія мужами нехиротонисанными» не болѣе, какъ на простую молитву, это видно во 1-хъ изъ того, что чины эти въ началѣ состояли изъ простаго молебна, и уже только послѣ составленъ былъ Скочковымъ «канонъ Господу Богу на *обрядѣ* бракосочершенія нерукоположенными мужами поморской церкви» (вып. I, стр. 218). Но и этотъ канонъ имѣлъ силу и приложеніе между послѣдователями Покровской часовни только при жизни Скочкова, благодаря его значенію въ расколѣ; въ первый же годъ по его смерти Захарь Ѳедоровъ Бронницъ, зять Скочкова, уже долженъ былъ слезно просить своихъ братій по вѣрѣ, чтобы они не оставляли «брачнаго канона», составленнаго его тестемъ, замѣчая, что отвергать канонъ значитъ отвергать и бракъ и прошеніе благословенія Божія бракосочетавающимся (Матер. для ист. безиоп. соглас. въ М., стр. 97—103). А послѣ этого едва ли справедливо думать, будто «сущность вопроса между брачниками и бракоборцами не въ томъ заключалась, что такое бракъ по своему значенію, а въ томъ, кто можетъ совершить таинство брака» (Правосл. Собес. 1870 г., май, стр. 41), т. е., что будто бы Покровцы не отвергали значенія брака, какъ таинства, а только говорили, что его, подобно крещенію и покаянію, можетъ совершить и мірянинъ. По моему, вопросъ о совершителѣ брака, т. е. можетъ ли его совершить и мірянинъ, не имѣлъ существеннаго значенія для Покровцевъ. Выходя изъ того положенія, что «существо тайны брака есть брачующихся вѣчный обѣтъ, а не чинъ вѣнчанія» (Сборн. о брак., л. 122), или, дру-

гими словами, что «возможность устроить брак состоитъ во власти брачующихся токмо» (Тамъ же, л. 5, об. и 6; снес., л. 4; вып., I, стр. 244), Покровцы, естественно, должны были безразлично относиться къ вопросу, кто вправѣ вѣнчать бракъ; и если они вѣнчались у своихъ наставниковъ-мирянъ, то не потому, будто безъ этого считали бракъ незаконнымъ, а потому, что хотѣли освятить его общественною молитвою, которую совершаютъ въ расколѣ только избранныя лица. Отъ этого-то тѣ, коимъ далеко было ѣздить въ Москву и дорого платить по 10 р. за внесение имени въ брачную книгу, обходились и безъ «брачнаго канона» Спачкова, а прямо вступали въ бракъ съ благословеніемъ родителей, при одной домашней молитвѣ. Учители Покровской часовни, какъ видно изъ ихъ сочиненій, не на то упирали, чтобы послѣдователи ихъ вступали въ браки *съ благословенія наставниковъ-мирянъ*, — если они и говорили о «нехиротонисанныхъ мужахъ», то только по вызову бракоборцевъ, указывавшихъ на необходимость пресвитерскаго вѣнчанія, — а на то, чтобы они вступали въ браки, а не въ блудъ, т. е. заключали брачные союзы *какою бы то ни было церемоніею*, по выраженію Любопытнаго, на всю жизнь, а не на время. «Бракъ, безъ священника производимый, писали они бракоборцамъ, намъ въ порокъ и грѣхъ причестъ не можно. Только, чтобы бракъ былъ такой, какому быть повелѣно, т. е. чтобы было вѣчное жениха и невесты между собою согласіе, по словамъ въ Большомъ Катихизисѣ положеннымъ. Если же будетъ временное и случайное между юношей и дѣвицею для сожитія и совоупленія: то это не есть бракъ, но дѣйствительный блудъ

и грѣхъ. И кто симъ образомъ съ дѣвицею сходитя, грѣшитъ» (Сборн. о бракахъ, л. 181). Съ тою же цѣлю, т. е., чтобы сдѣлать бракъ неразрывнымъ и отличить его отъ блуда (вып. I, стр. 256), по моему мнѣнію, придуманы были Скочковымъ и другими и разные торжественные «чины обрученія и вѣчанія» и тѣ клятвенныя обязательства, какія, по требованію наставниковъ, женихъ и невѣста давали другъ другу предъ свидѣтелями (въ присутствіи прочихъ) и при настоятелѣ во время вѣчанія (вып. I, стр. 339—41; Матер., ч. 2, стр. 18—34; снес. Сборн. о брак. л. 7); а на самый обрядъ вѣчанія Покровцы смотрѣли просто, какъ на молитву. Любопытный жениха и невѣсту, еще только изъявившихъ желаніе вступить въ бракъ, но необрученныхъ и невѣчаныхъ, называетъ уже *новобрачными*, мужемъ и супружницей и проч. (Матер. стр. 23, 25 и 35). Да, по мнѣнію Покровцевъ, одни «слова совокупляющихся изволеніе ихъ внутреннее своею волею, что отъ чистаго своего сердца любовію между собою сопрягаются усердно въ общее и нераздѣльное сожитіе, и составляютъ совершеніе тайны брака» (Сборн. о брак., л. 66). Значитъ, разсуждать тутъ о совершителѣ, — священникѣ, или мірянинѣ, какъ случайной принадлежности брака, нѣтъ нужды.

Послѣ всего сказаннаго, я надѣюсь, ясно видно, что Покровцы, какъ и Алексѣевъ, не считали брака таинствомъ въ церковномъ смыслѣ. А что они смотрѣли на него, какъ на союзъ естественный, — доказательствомъ этого могутъ служить уже выше приведенныя мною мѣста изъ разныхъ сочиненій Покровцевъ, изъ которыхъ видно, что сущность брака, по

ихъ мнѣнію, состоитъ во взаимной любви жениха и невесты, а основаніемъ его служить первоначальное благословеніе Божіе человѣку и животнымъ, выраженное въ словахъ: раститесь и множитесь (вып. I, стр. 233, 339 и 384; вып. II, стр. 26). «Брачная тайна, писалъ Скочковъ, въ неразрывномъ мужа и жены состоитъ соединеніи; *дѣйствуетъ* же ю не *внѣчаніе* и *молитвы*, но Самъ Господь Своимъ благословеніемъ, которое прежде Адаму, потомъ Ною и всему его потомству въ сихъ словахъ — раститесь и множитесь — объявилъ. По семъ сами брачующіеся — слѣдующими словами: я тебя беру въ жену мою, и жена говоритъ: я тебя поемлю въ мужа моего, — тайну сію дѣйствуютъ» (Сборн. о брак. л. 149; снес. л. 156, об.). «Необходимо къ совершенію таинства брака, писалъ другой защитникъ брака, принадлежатъ четыре слѣдующія вещи: а) матерія, б) форма, в) дѣйствитель, г) конечныя причины. Четыре части изображенныя подлежатъ власти и силѣ *закона естественнаго* въ порядкѣ потомственномъ (Тамъ же, л. 65 об.; снес. л. 99)... Что же касается названія безсвященнословнаго брака Покровцевъ союзомъ гражданскимъ, то я позволилъ себѣ употребить его на основаніи тѣхъ цѣлей, ради которыхъ, по мнѣнію Емельянова и др., существуетъ и долженъ существовать бракъ въ родѣ человѣческомъ, и на основаніи ихъ взгляда на внѣчаніе. Павелъ Любопытный цѣль брака поставляетъ въ «благословенномъ продолженіи человѣческаго рода и въ честномъ и неблаженномъ *общежительномъ* состояніи» (вып. I, стр. 384). Бракъ, по словамъ приведеннаго мною клятвеннаго обѣщанія (тамъ же, стр. 339), существуетъ для того, чтобы «мужу имѣть въ

помощницу жену, а жепѣ въ попечителя о себѣ мужа, да таковымъ богоблагословеннымъ супружества союзомъ возможетъ человѣкъ хранить себя въ богоугодномъ пребываніи и соблюдать честность брака во славу Божию и въ пользу *человѣческаго общества*, и да освободится отъ безчестія и стыда, наводящаго смертный и душепагубный грѣхъ блудодѣянія». «Бракъ законный, писалъ Андреянъ Сергѣевъ, для непотковеннаго пути къ спасенію души и *благоустройства гражданскихъ обществъ*, съ соблюденіемъ чистоты тѣла, необходимо въ мірской жизни нуженъ» (Сборн. о брак.. л. 39). Что же касается вѣнчанія, то хотя Покровцы и считали его не болѣе какъ случайно устроеннымъ украшеніемъ, однако не только не чуждались его, но даже убѣдительно предлагали его всѣмъ; это, какъ я уже сказалъ, для того, чтобы торжественностію обряда, совершаемаго при настоятелѣ и свидѣтеляхъ, сдѣлать бракъ формально, общественно, граждански болѣе твердымъ, т. е. на торжественное благословеніе наставника-мірянина Покровцы смотрѣли также, какъ Алексѣевъ смотрѣлъ на вѣнчаніе въ православной церкви, считая его общепароднымъ, или гражданскимъ, обычаемъ, соблюденіе котораго даетъ брагу гражданскую твердость. По крайней мѣрѣ противники безсвященнословныхъ браковъ смотрѣли на обряды, съ какими совершались браки послѣдователей Покровской часовни, не болѣе, какъ на обычай гражданского укрѣпленія брака. «Вашъ безсвященнословный чинъ брака, вновь изобрѣтенный, писалъ Филиппъ Осиповъ, елико отстоитъ небо отъ земли, свѣтъ отъ тьмы, столько различенъ отъ церковнаго чиновѣнчанія, св. отцами преданнаго. Аще ли бракъ

могъ бы состояться тогмо изъ благословенія родительскаго, или изъ *обычая гражданскаго укрѣпленія*, то св. соборы не стали бы для него особый чинъ вѣнчанія составлять» (вып. II, стр. 188). Поэтому-то, какъ видно, многіе и изъ Покровцевъ «ради мящяся твердости» брака «вступали къ несогласнымъ съ ними по исповѣданію и по вѣрѣ чинодѣйствіе пріяти» (Матеріал. стр. 33 и 48—9), т. е. вѣнчались даже въ православныхъ церквахъ для формальной, или гражданской, твердости брака (вып. II, стр. 72—73). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, я, кажется, имѣлъ право назвать безсвященнословные браки Покровцевъ—гражданскими союзами.

Не ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ о невѣрности моего взгляда на бракъ послѣдователей Покровской часовни, достоинство котораго (замѣчанія) я показалъ, вы указываете еще одну частную ошибку, будто бы допущенную мною въ трактатѣ о безсвященнословныхъ бракахъ. Ошибка эта состоитъ въ словѣ: *«будто бы»*, которое я употребилъ въ приложеніи къ свидѣтельствамъ Матѳея Канониста и Севаста Арменопула, которыя Поморцы приводили въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что даже въ IV вѣкѣ, при св. Василии Великомъ, браки заключались безъ священнословія (вып. I, стр. 242). Приведя это мѣсто изъ моей книги, вы замѣчаете: «вы сказали: «будто бы видно», стало быть, сами такого мнѣнія, что ни изъ Матѳея Канониста, ни изъ Севаста Арменопула вовсе не видно, чтобы было когда-либо такое время, когда бы браки совершались единымъ соизволеніемъ, безъ священнословія». И за тѣмъ, приведя подлинныя слова Матѳея Властаря (по гречески и по русски) и

Ееодора Вальсамона (Арменопула, вы говорите, не имѣли подѣ руками), изъ которыхъ видно, что при Василия Великомъ «единымъ соизволеніемъ (безъ священнословія) бракъ составлялся», вы съ торжествомъ замѣчаете: «и такъ вапе «будто бы» рѣшительно не удалось, и Скочковъ имѣлъ полное право утверждать, что, по свидѣтельству Матѳея Канониста, во времена Василия Великаго браки кромѣ всякаго священнословія состояшася».

Удалось мое «будто бы», отвѣчаю я, и даже—весьма. Употребляя слово «будто бы», я не то хотѣлъ сказать, будто не вѣрю указанію Скочкова на Матѳея Властаря и Арменопула и не допускаю, чтобы въ IV вѣкѣ браки составлялись единымъ соизволеніемъ—безъ священнословія,—кто же этого не знаетъ.—а то, что мысль Скочкова, будто *церковнаго вѣнчанія брака, какъ таинства*, не было не только въ первые три вѣка, но даже и въ IV—во времена Василия Великаго, въ подтвержденіе чего Скочковъ и ссылался на Матѳея Канониста и Арменопула, и будто обычай заключать браки въ церкви священнословіемъ введенъ былъ гражданскою властію уже только въ VIII или даже XI вѣкѣ,—несправедлива, и что свидѣтельства указанныхъ канонистовъ не доказываютъ ея. А что въ IV вѣкѣ браки заключались единымъ соизволеніемъ и были (*de jure*) законны,—это несомнѣнно; только заключавшіеся такимъ образомъ браки были правильны и законны *по суду гражданскаго*, оставшагося еще отъ временъ язычества, *закона*; церковь же, по словамъ Тертуліана, считала подобные браки наравнѣ съ прелюбодѣяніемъ и блудомъ (*Tertull. de pudicit. cap. IV; de monogam. cap. XI*) и учила, что *бракъ, какъ*

таинство, можетъ быть совершенно не иначе, какъ съ ея благословенія и освященія. А потому, когда я говорилъ: «будто бы видно, что даже въ IV вѣкѣ при св. Василии Великомъ браки заключались безъ священнословія» — я разумѣлъ подъ *браками* — *церковный, таинственный бракъ*, — тотъ, опредѣленіе котораго сдѣлано мною на 6, 121 и др. стр. моей книги. И въ этомъ случаѣ мое «будто бы» совершенно умѣстно.

На основаніи ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ Матѳея Канониста и Θεодора Вальсамона, вы, согласно съ Скочковымъ, если не положительно утверждаете, такъ по крайней мѣрѣ думаете, что «въ исторіи истинной Христовой церкви дѣйствительно было такое время, когда *воплоть прачильные, въ смыслъ церковномъ*, браки составлялись однимъ соизволеніемъ, безъ священнословія»; а такъ какъ «такого времени, когда бы бракъ въ церкви не почитался за таинство, никогда не было, то выводъ отсюда ясенъ; вопросъ о безусловной невозможности брака, какъ таинства, безъ священнословія, рѣшается отрицательно». Построивъ такой силлогизмъ, вы упрекаете меня за то, почему я не обратилъ вниманія на указанный вопросъ и, не ограничившись однимъ словомъ «будто бы», не доказалъ (если только доказать это вы считаете возможнымъ, замѣчаете вы; значитъ, вы не считаете возможнымъ и слѣдовательно условная форма вашего силлогизма — только дипломатическій приемъ), что «священнословіе не только теперь, но и во все времена христіанской исторіи, составляло существенную и необходимую сторону таинства брака. Если же этого доказать нельзя, продолжаете вы, то вамъ предстояло, по крайней мѣрѣ, объяснить вашимъ

читателямъ, когда и при какихъ условіяхъ введено въ церкви священнословіе брака, почему оно сдѣлалось необходимостію и какимъ образомъ, по введеніи священнословія, въ него былъ перенесенъ, такъ сказать, центръ брачнаго таинства... *Вы этого не сдѣлали; не знаю, сдѣлали-ли за васъ кто другой. Думаю, что нѣтъ.* А до тѣхъ поръ, пока этого не сдѣлано, вы не имѣли, по моему мнѣнію, никакого права не только приписывать наставникамъ Покровской часовни воззрѣніе на бракъ, какъ на естественный, или гражданскій, союзъ (что во всякомъ случаѣ останется несправедливымъ, — на сколько, я показалъ), но даже считать предлагаемую имъ (?) схему брака неправильною».

Жаль, что вы въ ученomъ спорѣ со мной больше думаете, или вѣрнѣе: фантазируете, чѣмъ говорите дѣло, на основаніи данныхъ моей книги. Доказать, вопреки мнѣнію Покровцевъ, что священнословіе во всѣ времена христіанской исторіи составляло существенную и необходимую сторону таинства брака, не только возможно, но даже и не трудно. Мало этого: это уже и сдѣлано, между прочимъ, покойнымъ преосвященнымъ митрополитомъ Григоріемъ въ его «Истинно древней и истинно православной Христовой церкви» (ч. 1, стр. 193 — 205, изд. 4-е), и еще обстоятельнѣе авторомъ статьи: «О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака (противъ новоженовъ)», помѣщенной въ «Твореніяхъ св. отцевъ» за 1858 г (кн. 2). Если же я обошелъ, какъ выражаетесь вы, этотъ «пунктъ для генеральнаго сраженія» съ послѣдователями Покровской часовни, то не потому, чтобы считалъ себя не въ силахъ остаться побѣдителемъ, — особенно, при пособіи вышеуказанныхъ изслѣдованій,

а потому, что полемика не входила въ задачу моего чисто историческаго труда. Впрочемъ, предполагая, что найдутся читатели, которые, по незнанію дѣла, могутъ смутиться приводимыми мною изъ сочиненій Покровцевъ свидѣтельствами о несущественномъ значеніи для брака церковнаго благословенія, я на стр. 260 перваго выпуска, въ примѣчаніи, замѣтилъ: «разборъ и опроверженіе разсужденій Поморцевъ касательно безсвященнословныхъ браковъ см. въ Твор. св. отц. 1858 г. кн. II, въ статьѣ: «О церковномъ благословеніи и вѣчаніи брака» (противъ новоженъ). Какъ же вы, не обративъ вниманія на это примѣчаніе, не справившись съ содержаніемъ указанной мною статьи, въ которой есть рѣчь и о приведенномъ вами свидѣтельствѣ Матѳея Властаря, позволили себѣ печатно обвинять не только меня, но и вообще «нашу науку» въ томъ, будто она доселѣ не дала отвѣта на вопросъ; составляетъ-ли и всегда-ли составляло существенную и необходимую сторону таинства брака церковное благословеніе?—тогда какъ этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ, и мною даже указано, гдѣ именно. Такой поступокъ съ вашей стороны тѣмъ болѣе меня удивляетъ, что я, и на диспутѣ и послѣ—въ частномъ разговорѣ съ вами, указывалъ вамъ и вышеприведенное примѣчаніе въ моей книгѣ и самую статью, на которую ссылаюсь въ немъ, и даже рекомендовалъ вамъ прочитать ее.

Дальнѣйшія ваши разсужденія, выходящія изъ того положенія, будто я не имѣлъ никакого права не только приписывать наставникамъ Покровской часовни возрѣнія на бракъ, какъ на естественный, или гражданскій, союзъ (выше доказано, имѣлъ-ли я это право),

но даже считать предлагаемую ими схему брака неправильною, такъ какъ не доказалъ, что церковное вѣнчаніе составляетъ необходимый элементъ таинства брака, я оставляю безъ отвѣта; мысли, основанныя на ложномъ началѣ, не могутъ быть справедливы, хотя сами по себѣ, безъ приложенія къ данному случаю, онѣ совершенно вѣрны и показываютъ ваше знакомство съ нѣкоторыми изъ сочиненій, написанныхъ противъ раскола еще въ прошломъ столѣтіи.

IV. Четвертое ваше замѣчаніе касается 5-го моего положенія и направлено къ тому, чтобы доказать, будто бы я слишкомъ «строго осудилъ духовенство прошлаго столѣтія» за то, что оно, вопреки положительнымъ предписаніямъ св. Синода, вѣнчало послѣдователей Алексѣева по старопечатнымъ, а не по новоисправленнымъ, требникамъ; по вашему мнѣнію, я такъ строго отнесся къ духовенству, *разумѣется*, потому, что считалъ браки послѣдователей Алексѣева, заключавшіеся въ православныхъ храмахъ, *неправильными*. Послѣ того, что я сказалъ выше объ этихъ бракахъ, я надѣюсь, вы согласитесь, что ваше «разумѣется», скажу вашими же словами, рѣшительно не удалось. Мало этого: я даже не произнесъ не только слишкомъ строгаго, но даже никакого суда надъ духовенствомъ, о которомъ идетъ рѣчь, а только просто указалъ фактъ, что «въ то время, когда издавались указы съ предписаніемъ вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ «по церковному чину и по новоисправленнымъ требникамъ» и по присоединеніи ихъ къ православію, между православнымъ духовенствомъ было не мало лицъ, которыя считали распоряженія власти, чего бы они ни касались, не для нихъ пи-

санными, или по крайней мѣрѣ «за пенязи» готовы были нарушать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ» (вып. 1, стр. 152). По поводу этого мѣста въ моей книгѣ вы пишете: «во-первыхъ, вами допущена здѣсь та ошибка, что пенязямъ отведено въ этомъ дѣлѣ слишкомъ видное мѣсто, а во-вторыхъ - явное преувеличеніе въ томъ, будто бы духовенство того времени считало не для него писанными всѣ распоряженія власти, чего бы они ни касались».

Я согласенъ съ вами, что довольно трудно опредѣлить, какое мѣсто занимали «пенязи» въ побужденіяхъ духовенства первой половины прошлаго столѣтія—къ неисполненію распоряженій церковной власти, но что они играли немаловажную роль, видно какъ изъ приведенныхъ мною фактовъ (вып. 1, стр. 157—8), такъ еще болѣе изъ самыхъ распоряженій св. Синода за указанное время, которыя я не указалъ въ книгѣ только потому, что не предполагалъ встрѣтить возраженіе противъ этого общеизвѣстнаго факта. Не входя въ подробности, я укажу въ этомъ случаѣ на изданную въ 1741 г. св. Синодомъ присягу, которую долженъ былъ давать каждый рукополагаемый во священника и діакона. Вотъ что читалъ въ этой присягѣ каждый ставленникъ: «къ тому жъ клянуся, что долженъ и по должности хочу и всячески тщатися буду по хиротоніи во священство (или будучи въ діаконствѣ) въ приходѣ моемъ тайныхъ раскольниковъ чрезъ удаленіе ихъ отъ св. Евхаристіи, или чрезъ иныя каковыя примѣты, накрѣпко смотрѣть; и аще бы таковыя явиться могли, ни за каковыя отъ нихъ дары или посулы, укрывать и таить не буду, но какъ о нихъ, раскольникахъ,

скоро могу увѣдать, со всякимъ обстоятельствомъ письменно представлять, гдѣ надлежитъ, всемирно потщуся, также въ книгахъ исповѣдающихся и св. тайнъ причащающихся, закрывая ихъ зловѣріе, съ правовѣрными христіанами писать не стану. Къ сему же всѣ раскольническіе разные толки со лжестарцами, называющимися учителями и лживыми попами и дьяконами и мірскими (аще въ покаяніе не придутъ и къ св. православно-каѳолической церкви обратиться не восхотятъ), вся ихъ согласія суемудренная проклинаяю и анаѳемѣ предаю. Буде же я впредь, по семъ клятвенномъ обѣщаніи, забывъ страхъ Божій и должность свою, тайтъ ихъ, раскольниковъ, въ своемъ приходѣ стану, и съ правовѣрными, для прикрытія ихъ зловѣрія, *по какой нибудь страсти*, вѣдая ихъ заподлинно, съ исповѣдавшимися и божественныхъ тайнъ сообщившимися въ книгу ложно напишу и въ томъ отъ кого обличенъ буду, то, яко клятвопреступникъ, чужда священнаго сана и мірскому публичному наказанію себя подвергаю» (Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., кн. I, стр. 376—7). Чтобы лучше понять все значеніе этой присяги относительно спорнаго вопроса, я считаю нелишнимъ замѣтить, что еще по указу св. Синода 1722 года рукополагаемые во священника и діакона обязывались давать подобнаго рода присягу, съ проклятіемъ всѣхъ раскольническихъ согласій (тамъ же, стр. 39 и 40; снес., стр. 66—7). Если же церковная власть нашла нужнымъ въ 1741 году «вновь составить форму присяги» и внести въ нее замѣчаніе о «дарахъ и посулахъ», чего въ прежней присягѣ не было,—то, конечно, не безъ причины.

Что же касается «преувеличенія», будто бы допу-

щевпаго мною въ вышеприведенныхъ словахъ, — я согласенъ, что въ той формѣ, въ какой передана моя мысль вами, т. е., что будто бы *духовенство* первой половины прошлаго столѣтія считало не для него писанными распоряженія власти, она не чужда преувеличенія; но мои выраженія: «между православнымъ духовенствомъ было не мало лицъ» (вып. I, стр. 152), или: «многіе изъ православныхъ священниковъ» (стр. 154)... говорятъ не то. А что въ первой половинѣ прошлаго столѣтія были между духовенствомъ и такія лица, которыя «не считали для себя обязательными всѣ распоряженія власти, чего бы они ни касались», и это—выше всякаго сомнѣнія. Это—тѣ священники и діаконы, которые, по сочувствію къ расколу, или «по какой-либо страсти», совершенно освобождали себя отъ подчиненія епархіальнымъ архіереемъ и св. Синоду, переходя въ расколъ, о чемъ и сказано мною на стр. 158.

V. «Всѣ читавшіе вашу книгу, съ кѣмъ только я имѣлъ о ней разговоръ, -- послѣднее замѣчаніе ваше, — согласно отзываются съ невыгодной для васъ стороны о томъ тонѣ, въ который вы нерѣдко вдаетесь при изображеніи непривлекательныхъ и предосудительныхъ чертъ изъ жизни раскольническихъ обществъ. Къ этимъ отзывамъ вполне присоединяюсь и я». И за тѣмъ, сказавъ, будто мои «уничжительные» отзывы о томъ или другомъ явленіи изъ жизни безпоповцевъ, по сущности своей, даже—несправедливы, или по крайней мѣрѣ неравномѣрны, и указавъ при этомъ одно изъ моихъ выраженій (фабрикація раскольничьихъ браковъ), вы продолжаете: «меня въ этомъ дѣлѣ оскорбляетъ главнымъ образомъ то, что

подобнаго выраженія никто изъ насъ не позволитъ себѣ, говоря о бракѣ наприм. лютеранскомъ, между тѣмъ какъ, по суду церковному, онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ бракомъ Покровской часовни. Какъ тотъ, такъ и другой совершается простодомъ, т. е. лицомъ, не имѣющимъ благодати рукоположенія, — и вся разница, стало быть, въ томъ, что тамъ нѣмецъ и докторъ богословія, предъ которымъ мы чувствуемъ трепеть, а здѣсь русскій простолюдинъ, котораго мы изощряемся презирать, сколь возможно глубже».

Признаюсь откровенно, когда я читалъ ваше письмо, я никакъ не ожидалъ, что вы заключите его такимъ замѣчаніемъ. Не то я хочу сказать этимъ, будто въ моей книгѣ нѣтъ, какъ выражаетесь вы, уничтожительныхъ отзывовъ о томъ или другомъ явленіи изъ жизни безпоповцевъ и даже о нѣкоторыхъ изъ вожаковъ раскольничьихъ, а то, что отъ васъ какъ-то странно слышать урокъ о тонѣ и приличіи. Вы сами откровенно сознаетесь, что нѣкоторыя изъ вашихъ замѣчаній могутъ показаться «не совсѣмъ сдержанными по тону». Если же вы, ведя со мною чисто ученый споръ, не сумѣли сохранить душевнаго равновѣсія и позволили себѣ въ выраженіяхъ «несдержанный тонъ»; то могъ ли оставаться спокойнымъ и не позволить себѣ иногда жесткаго, или уничтожительнаго, слова я, ведя въ своемъ изслѣдованіи рѣчь о такихъ самодурахъ, какимъ былъ наприм. Ковылицъ, позволявшій себѣ, вмѣсто спокойнаго изслѣдованія спорнаго вопроса о бракѣ, бить по щекамъ своихъ противниковъ, ломать и жечь кресты съ могилъ ихъ единовѣрцевъ и родственниковъ и проч., или излагая

содержаніе сочиненій такихъ изувѣровъ, какими были наприм. составители «отеческихъ завѣщаній изъ книги Пандекта», или частище: Гнусинъ, проповѣдывавшій самый дикій, необузданный развратъ? Не положе-ніе лицъ—невысокое, о которыхъ я иногда отзывался уничижительно, было причиной неправошагося вамъ тона моей книги, — вы тономъ вашего письма доказали, что у насъ—на Руси не особенно церемонятся и не съ мужиками, а раскольники изъ моихъ прежнихъ трудовъ и личныхъ сношеній съ ними знаютъ, зараженъ-ли я «аристократическою брезгливостію»,—но ихъ ученіе и дѣйствія, которыми не можетъ не возмущаться всякій порядочный человѣкъ. Вы сами говорите, что я «нарисовалъ живо чистый, нравственный образъ» Ивана Алексѣева; значить, и могу съ любовію говорить и о простолюдинѣ. Если же портреты Ковылина, Гнусина и др., нарисованные мною, оказались не безъ пятенъ,—это значить только, что таковы были оригиналы.

«Я счелъ своею обязанностію, пишете вы, какъ предъ наукой, такъ и предъ вами, выразить свое мнѣніе съ полной свободой, нисколько не скрывая силы и значенія представленныхъ мною возраженій». Предлагаемый вашему вниманію «отвѣтъ» мой да послужить свидѣтельствомъ того, что и я не уклонился отъ своего долга и, по мѣрѣ силъ, показалъ «силу и значеніе» вашихъ возраженій.

Пользуясь случаемъ, не могу не сказать нѣсколько словъ о другой статьѣ—съ замѣтками на мою книгу, написанной по поводу моего диспута и помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Заря» за прошлый годъ. Впрочемъ, входить въ подробный разборъ этой статьи я

не намѣренъ. Во первыхъ—, г. А—овъ въ своей статьѣ болѣею частію повторяетъ то, что я уже слышала на диспутѣ и на что тогда же отвѣчала. Во вторыхъ самая статья г. А—ова представляетъ не строго послѣдовательный рядъ мыслей, а сборъ бѣглыхъ замѣтокъ, не имѣющихъ ни связи, ни порядка, притомъ часто повторяющихся, на которыя поэтому отвѣчать болѣе, чѣмъ неудобно. Наконецъ, въ третѣихъ г. А—овъ, задавшись мыслию доказать, во что бы то не стало, неудовлетворительность моего сочиненія съ научной точки зрѣнія, прибѣгаетъ для этого иногда къ такимъ приѣмамъ, на которые лучший отвѣтъ—молчаніе. Такъ наприм., высказывая то, или другое, обвиненіе противъ меня, онъ въ подтвержденіе своихъ словъ часто дѣлаетъ указанія на мою книгу, но не приводя самыхъ словъ, а только цитую страницы—такія, на которыхъ въ пользу обвиненія нѣтъ ни слова. Для примѣра укажу на слѣдующее мѣсто: «изъ этого же капитальнаго недостатка, пишетъ мой достопочтенный рецензентъ, вытекаютъ у него (т. е. у меня) частныя *зубые* промахи, напримѣръ, онъ представляетъ, что созданіе сектъ—дѣло самое простое, стоить одному энергическому лицу сочинить свое ученіе и пустить его въ невѣжественную массу народа, выбрать мѣстечко побезопаснѣе, и дѣло въ шляпѣ (1, 68)». Прошу людей любознательныхъ прочесть указанную г. А—овымъ страницу перваго выпуска моего сочиненія и посмотрѣть, на сколько сказанное на ней имѣетъ отношеніе къ его мысли. Не менѣе любопытна въ этомъ случаѣ ссылка г. А—ова и на 213 и 14 стр. перваго выпуска въ подтвержденіе того, что безбрачныя раскольники, «признавая всѣ таинства и считая

невозможнымъ совершать ихъ (всѣ?) по отсутствію священства, были правы, называя брачныхъ отступниками отъ вѣры.» (1) А между тѣмъ, подобныя цитаты въ глазахъ людей, не имѣющихъ возможности провѣрить ихъ, придаютъ обвиненіямъ серьезность и могутъ привести къ мысли, будто г. А—овъ пишетъ не на обумъ.

Еще интереснѣе другой пріемъ, употребляемый г. А—овымъ. Нерѣдко, указывая тотъ или другой недостатокъ въ моей книгѣ, онъ цитуетъ такія страницы моего сочиненія, или другіе документы, въ которыхъ говорится совершенно противное тому, что утверждаетъ мой достопочтенный рецензентъ. «О научныхъ пріемахъ г. Нильскаго, пишетъ напримѣръ г. А—овъ, и объ отношеніяхъ его къ разнымъ источникамъ, оба официальные оппонента говорили согласно: г. Чельцовъ поставилъ на видъ, что диспутантъ относится къ нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣятелямъ и писателямъ очень пристрастно, наприм. Емельянова называетъ *весьма* честнымъ человѣкомъ, тогда какъ онъ обманывалъ Выгорѣвскихъ старшинъ *не разъ и созывалъ по этому поводу (?) соборы* (1, стр. 220)». А между тѣмъ на указанной страницѣ говорится, что *не Емельяновъ, а Высовы* созывали соборы, что Емельяновъ былъ только на *одномъ* изъ нихъ, опредѣленій котораго, какъ несправедливыхъ, по его мнѣнію, впоследствии не исполнилъ; постановленій же двухъ другихъ соборовъ, составлявшихъ безъ него, онъ и не обязывался соблюдать; а на стр. 217 Емельяновъ мною названъ

(1) См. также ссылки г. А—ова на 204, 215—16 стр. перваго выпуска, на 140 стр. втораго выпуска и др.

просто честнымъ человекомъ, безъ прибавленія: весьма. Еще курьезиѣ слѣдующая ссылка г. А---ова. Признавая въ моей мысли, что «Софья Алексѣевна для того, чтобы сдѣлаться правительницею государства, обращалась за помощію къ стрѣльцамъ-раскольникамъ и не только позволяла, но даже приказывала имъ совершать въ Москвѣ всевозможныя безчинства: грабить дома, убивать боярь-приверженцевъ партіи Нарышкиныхъ» и проч. двѣ громадныя клеветы и утверждая, что Софья вовсе не была причиной перваго стрѣлецкаго бунта, а стрѣльцы не только не грабили домовъ, но по данной предварительно клятвѣ наказывали смертію тѣхъ, кто позволялъ себѣ украсть даже хотъ 3 коп., г. А---овъ говоритъ, что это обстоятельство засвидѣтельствовано не только отечественными и иностранными писателями, но и официальными правительственными актами, и указываетъ при этомъ IV т. Докт. Археогрфич. экспедиціи. А между тѣмъ въ актахъ, помѣщенныхъ въ указанномъ томѣ, прямо говорится слѣдующее: «да въ то время (15 мая) они же (стрѣльцы) воры и измѣнники судной приказъ разорили, и всякіе приказные дѣла передравъ пометали, и нашу Великихъ Государей казну разорили безъ остатку; и послѣ того мая 16 и 17 числѣхъ, они же воры и измѣнники, не насытись тѣхъ невинныхъ кровей, приходили на нашъ государской домъ, такимъ же безстудетвомъ и безстрашіемъ съ народомъ и со всякимъ оружіемъ, и въ тѣ дни по прежнему своему злему намѣренію многихъ людей побили и тѣлеса ихъ изрубя, на красной площади пометали; и тѣхъ всякъ невинно побитыхъ дома разорили и пожитки всякіе разорили безъ остатку»

(Лвт. Археограф. экзепед. IV, № 262, стр. 373—4). Что же касается участія Софьи Алексѣевны въ первомъ стрѣльцкомъ мятежѣ, то, какъ видно изъ статьи г. А—ова, есть «нѣкоторые знатоки исторіи», которые держатся «неустарѣлыхъ воззрѣній» на этотъ предметъ; но Соловьевъ (истор. Росс. т. XIII, стр. 356 и др.), Устряловъ (истор. царств. Петр. В., т. I), Щербальскій («Правленіе царевны Софьи» въ Русск. Вѣсти. 1856 г.), Забѣлинъ (Дом. быт. русск. царицъ) и другіе *современные* изслѣдователи русской исторіи согласно говорятъ, что первый стрѣльцкій бунтъ былъ вызванъ Софьею Алексѣевною и ея партією.

Впрочемъ, вѣроятно, изъ опасенія, что подобныя неправильныя цитаты, которыми морочить г. А—овъ читателей «Зари», могутъ быть выведены наружу и не послужатъ къ чести автора статьи, г. А—овъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается одними голословными обвиненіями, не указывая страницъ изъ моего сочиненія, или другихъ какихъ либо документовъ, въ которыхъ говорится противное обвиненію. Такъ поступилъ онъ, между прочимъ, упрекая меня въ томъ, будто бы я «нисколько не отнесся критически къ разнообразнымъ источникамъ, которыми пользовался, и приводилъ и рассказъ Ивана Филиппова, и святителя Димитрія Ростовскаго, и множество другихъ писателей *безъ всякой повѣрки*». А между тѣмъ стѣло г. А—ову заглянуть на стр. 15, 19—37, 49—50, 72, 81 2, 164, 176—180, 164, 199, 215, 331—8, 343 и др. перваго выпуска, на стр. 33—4, 117 и др. втораго выпуска. и онъ увидѣлъ бы, что тамъ, гдѣ позволяли научныя данныя, я не безъ критики относился къ источникамъ, которыми поль-

зовался. Интереснѣе же всего въ этомъ случаѣ то что г. А—овъ указалъ на святителя Димитрія Ростовскаго, къ свидѣтельству котораго я по преимуществу отнесся критически (вып. 1, стр. 34—5). Другой примѣръ. «По изслѣдованію г. Нильскаго, пишетъ г. А—овъ, оказывается противорѣчіе между стремленіемъ Софьи опереться на раскольничьи копы стрѣльцовъ и страшнымъ преслѣдованіемъ старовѣровъ. И это явленіе (т. е. преслѣдованіе раскольниковъ) *приписывается* опять *схидному* характеру Софій; въ этомъ *замысловатомъ обвиненіи ни причинъ, ни слѣдствій* невозможно отыскать, если не считать его *нелѣпымъ*». А между тѣмъ, на 51 стр. перваго выпуска мною сказано только слѣдующее: «въ 1684 году, *въ правленіе* той самой Софьи Алексѣвны, которая... обращалась за помощію къ стрѣльцамъ-раскольникамъ,... *явилось* противъ раскола постановленіе, узаконявшее пытки» и т. д. Какъ видитъ читатель, я не только не говорилъ о «схидномъ» характерѣ Софьи Алексѣвны, но даже и не приписывалъ ей строгаго указа 1684 года, направленнаго противъ раскольниковъ, замѣтивъ только вообще: «въ правленіе Софьи»... Ужели же это—неправда, или—обвиненіе и притомъ нелѣпое?

Но г. А—овъ, не внимая ничему и желая, во что бы то ни стало, доказать научные недостатки моей книги, продолжаетъ: «законъ 1684 г. противъ раскольниковъ *едва-ли* есть произведеніе Софій; *скорѣе* это есть сочиненіе *суроваго* патріарха Іоакима, который *жестоко вооружился* на старовѣровъ послѣ бунта 1682 г., и онъ, *по всей вѣроятности*, настоялъ на необходимости кровавыхъ правительственныхъ мѣръ.

Гуманный Голпицынъ не могъ совѣтовать царевичѣ издавать такія brutыя узаконенія». По поводу этой тирады, я позволяю себѣ спросить г. А—ова, обвиняющаго меня въ томъ, будто бы я «представляю въ своемъ сочиненіи сомнительныя данныя безъ всякой критики», — считаетъ-ли онъ свои: «едва-ли»... «скорѣе»... «по всей вѣроятности» — «несомнѣнными данными, критически очищенными»? Далѣе: читалъ-ли онъ въ IV томѣ актовъ археографической экспедиціи, на который ссылается, документы подъ №№ 260, 263, 265—7, въ которыхъ «суровый» патріархъ Іоакимъ изображается ходатаемъ за стрѣльцевъ-раскольниковъ предъ «достойною сестрою Петра», уже успѣвшею казнить Хованскихъ, т. е. уже послѣ стрѣлецкаго бунта, бывшаго въ маѣ—іюль 1682 г.? Читалъ-ли онъ въ частности документъ подъ № 284, содержащій въ себѣ извѣстныя 12 статей противъ раскольниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и имѣющій слѣдующее заглавіе: «въ прошломъ во 193 г. апрѣля въ 7 день Великіе Государи Цари и Белькіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея... Россіи самодержцы, и сестра ихъ Великая Государыня благовѣрная царица Софія Алексѣевна, слушавъ сихъ статей, указали и бояре приговорили: раскольщикомъ» и т. д., и знаетъ ли, какъ надписывались въ до-Петровской Руси грамоты и указы, издававшіеся отъ имени царя, но составлявшіеся «по совѣту и благословенію» патріарховъ? Еще: знакомъ-ли онъ съ записаннымъ Саввою Ромацовымъ слѣдующимъ комплиментомъ, которымъ стрѣльцы раскольники угостили Софью Алексѣевну на соборѣ въ грановитой палатѣ: «пора-де государыня давно въ монастырь, полно де царствомъ мутить; намъ

бы здоровы цари государи были, а безъ васъ-де пусто не будетъ», и думаетъ ли, что подобная любезность ревнителей старины могла пройти безслѣдно? Наконецъ, знаетъ-ли онъ, что, «по челобитью гуманнаго» Голицына, пытали тѣхъ, которые казались ему людьми недоброжелательными (записк. Желябуж., стр. 21—2)? Вывода изъ этихъ вопросовъ я не дѣлаю; онъ понятенъ каждому.

Само собою разумѣется, что такое легкое, чтобы не сказать болѣе, отношеніе къ дѣлу не могло не повести г. А-ова къ разнаго рода промахамъ и даже противорѣчіямъ. Это и случилось на самомъ дѣлѣ. Такъ напр., въ одномъ мѣстѣ г. А-овъ обвиняетъ меня въ томъ, будто бы я «враждебно отношусь ко всемъ почти коноводамъ раскола» (см. «Зарю», стр. 222), а въ другомъ упрекаетъ за то, что я къ нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣятелямъ и писателямъ очень пристрастенъ (стр. 211). Или: то утверждаетъ, что я не отрицаю хорошихъ сторонъ и въ раскольничьихъ сожителствахъ, но одному взаимному согласію, только не могу опредѣлить, которое изъ безповицнскихъ ученій о бракѣ лучше (стр. 212), то прямо говорить, что все мое сочиненіе есть ничто иное, какъ прямое отрицаніе въ жизни безповицствъ всего хорошаго, что я какъ бы задался исключительно цѣлю - втоптать въ грязь семейную жизнь раскольниковъ (стр. 210). Въ одномъ мѣстѣ осуждаетъ меня за то, что я думаю, будто известное явленіе только и возможно въ расколѣ (стр. 216), въ другомъ самъ утверждаетъ, что «развитіе сектъ совершается при содѣйствіи различныхъ условій историческихъ, этнографическихъ и географическихъ, или - говоря дру-

гими словами: каждая нація кладеть на свои секты особую своеобразную печать» (стр. 217),—а наконецъ въ третьемъ, самъ себя опровергая, пишетъ: «извѣстно, что законы развитія ученія разныхъ сектъ и расколовъ въ общихъ чертахъ вездѣ одинаковы, и не только у народовъ христіанскихъ, но и у націй другихъ вѣроисповѣданій; и это явленіе весьма естественно: люди похожи другъ на друга какъ по физиологическому строю, такъ и по умственнымъ отправлениямъ» (какое открытіе!) (стр. 215). Наконецъ г. А-овъ дошелъ до того, что упрекаетъ меня за то, что я пользуюсь въ своемъ трудѣ сочиненіями и бракоборцевъ и брачниковъ (какъ будто можно излагать ихъ ученіе съ вѣтру) и даже ссылаюсь на легкія журнальныя статьи и въ частности на г. Стебницкаго (какъ будто только одинъ г. А-овъ и можетъ говорить съ вѣсомъ) (стр. 211 и 221), что я не выставилъ въ надлежащемъ свѣтѣ заслугъ для отечества Ковылина, устроившаго на Преображенскомъ кладбищѣ пріютъ для, такъ называемыхъ, воспитанниковъ Ильи Алексѣича (стр. 221), что я встаю противъ кровосмѣшенія въ раскольничьихъ бракахъ, тогда какъ нѣмцы въ Россіи свободно женятся на двоюродныхъ сестрахъ, и это не считается преступленіемъ (стр. 214), что, объясняя безбрачіе безпоповцевъ, я указывалъ на прекращеніе (мнимое) въ мірѣ священства, ученіе объ антихристѣ и проч., а не доказалъ того, что безбрачные раскольники, стремившіеся къ подвижничеству, основывались на чуждыхъ теоритическихъ началахъ восточно-византійскихъ, а другіе, добивавшіеся возстановить семейную жизнь, опирались на жизненныя національныя привязанности и симпат-

тин, — такъ какъ, замѣчаетъ г. А-овъ словами одного оффиціального оппонента, подвижничество несвойственно славянской натурѣ, любящей жить семейно (стр. 217—18), что я высказалъ на диспутѣ увѣренность въ томъ, что раскольники при другихъ, лучшихъ для церкви и православнаго духовенства, условіяхъ обратятся къ церкви православной, причемъ г. А-овъ слезно сѣтуетъ о будущемъ уничтоженіи раскола и о томъ, почему я не нарисовалъ картину жизни раскольниковъ «отрадными чертами и красками» (стр. 214—15), что я, подобно раскольничьимъ писателямъ, всякую свою мысль подтверждаю фактомъ (стр. 212) (г. А-овъ, какъ я показалъ выше, держится другаго приѣма) и проч. и проч.

Само собою разумѣется, что входить въ подробный разборъ статьи, исполненной такихъ несправедливыхъ ссылокъ, противорѣчій и странныхъ требованій, изъ которыхъ бѣльшая часть не только не оправдывается никакими данными (по крайней мѣрѣ ихъ не указалъ г. А-овъ), но даже прямо противорѣчить тѣмъ изъ нихъ, которыя изложены въ моей книгѣ, — требованій, которыя, очевидно, суть ничто иное, какъ дѣло личнаго вкуса, о которомъ не спорить, — значило бы обрекать себя на трудъ бесполезный.

Но г. А-овъ не ограничился тѣмъ, что отвергъ рѣшительно ученое достоинство моего сочиненія (стр. 224), — онъ еще произнесъ свой судъ и о моей рѣчи, сказанной на диспутѣ. По словамъ достопочтеннаго рецензента, рѣчь моя противорѣчила содержанію моей книги, такъ какъ въ ней я (будто бы) указывалъ «настоятельную необходимость — измѣнить до сихъ поръ существовавшіе у насъ законы и постановленія»

о расколахъ, или, по другому выраженію, «требовалъ болѣе свободныхъ распоряженій правительства о раскольникахъ», тогда какъ изъ моего «сочиненія выходитъ совершенно обратное заключеніе, именно то, что вся прошлая жизнь безпоповцевъ требуетъ уничтоженія ихъ свободныхъ правъ въ семейной жизни» (стр. 210).

Лица, почтившія своимъ присутствіемъ мой диспутъ и читавшія мою книгу, могутъ сами судить, насколько справедливъ отзывъ г. Алова о моей рѣчи,— но для тѣхъ, кто не слышалъ ея, я считаю долгомъ заявить, что достопочтенный мой рецензентъ, по невниманію, или по чему либо другому, *невѣрно понялъ мою рѣчь и неточно передалъ ея суть*. Указывая на необходимость болѣе точнаго законодательства по раскоду, я не только «не требовалъ болѣе свободныхъ распоряженій правительства о раскольникахъ», семейную жизнь которыхъ изображалъ въ своемъ сочиненіи, а на оборотъ доказывалъ необходимость ограничить тотъ произволь, съ какимъ брачующіеся безпоповцы относятся къ своимъ женамъ и дѣтямъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ приведу *дословно* слѣдующее мѣсто изъ рѣчи: «но если, не смотря на всю свободу брачныхъ отношеній въ безпоповщинскомъ расколѣ, женщина-раскольница не можетъ похвалиться своимъ положеніемъ, за то раскольникъ-безпоповецъ, благодаря неопредѣленности закона относительно этого предмета, можетъ и часто на самомъ дѣлѣ страшно эксплуатировать въ свою пользу эту самую свободу. Какъ показываютъ несомнѣнныя данныя, не только Федосѣевцы, считающіе за грѣхъ брачное сожитіе и поѣтому ограничивающіеся большею частію

присканіемъ себѣ временныхъ подругъ, часто, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сожителства, пускаютъ своихъ возлюбленныхъ на всѣ четыре стороны—искать счастья на бѣломъ свѣтѣ, на нихъ же возлагая заботы и о прокормленіи и воспитаніи прижитыхъ дѣтей, а себѣ выбираютъ новыхъ «хозяекъ»— съ тѣмъ, чтобы въ свое время и имъ предоставить ту же самую свободу—умирать съ голода, — но даже Поморцы, вступающіе, по вѣрованію своего толка, въ неразрывные брачные союзы, нерѣдко поступаютъ съ своими женами точно также. И когда бѣдныя, брошенные на произволъ судьбы, женщины, вынужденныя, разумѣется, крайностію, обращаются къ покровительству закона, — имъ отвѣчаютъ, что когда не было правильнаго брака, то не можетъ быть рѣчи и о послѣдствіяхъ развода, или точнѣе: разрыва такого брака. Если же которой либо изъ оставленныхъ своими мнимыми мужьями женщинъ вздумается съ горя самой сорвать, какъ говорится, сердце на прежнемъ сожителѣ, напр., во время катанья его на масляницѣ съ «новою женою», бросить ему въ сани пятилѣтняго мальчиба— съ словами: «возьми, покатай и его, вѣдь онъ твой», — за подобный скандалъ мировой судья, по жалобѣ обиженнаго послѣдователя Ковылина, присуждаетъ прежнюю его сожительницу къ двухнедѣльному аресту, или ста рублямъ штрафа. Вотъ еще сторона въ вопросѣ о раскольникѣмъ бракѣ, которую, по моему мнѣнію, необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи гражданскихъ правъ раскольниковъ, о чемъ такъ настойчиво трактуетъ современная литература. Если правительство, *въ чемъ согласна и литература*, признаетъ необходимымъ ограничивать въ гражданскихъ

правахъ Ѳедосѣевцевъ—за то, что они отрицаютъ бракъ, то, въ видахъ защиты раскольничьей женщины, не излишне также *точно* опредѣлить гражданское значеніе и сводныхъ браковъ Поморцевъ, а равно и тѣхъ изъ Ѳедосѣевцевъ, которые въ послѣднее время начали вступать въ безсвященнословныя брачныя сожителства. Иначе, т. е. *терпя* только эти браки, правительство рискуетъ и на будущее время получать изъ болѣе населенныхъ диссидентами городовъ донесенія о томъ, что брошенныя раскольниками жены таскаются по улицамъ съ несчастными дѣтьми цѣлыми стаями, какъ случалось это въ бывшее время... Наконецъ, мнѣ думается, нельзя оставить безъ вниманія, при опредѣленіи гражданскихъ правъ раскольниковъ, и слѣдующей особенности раскольничьихъ браковъ. Раскольникъ, вступившій въ бракъ, который онъ имѣетъ право расторгнуть, когда ему вздумается, въ то же время можетъ, если захочетъ, не только не разрывать своего, терпимаго закономъ, союза, но даже передать все свое имѣніе своимъ дѣтямъ, какъ законнымъ; и на оборотъ, въ случаѣ какого либо неудовольствія на дѣтей, напр. когда они, вопреки его желанію, переходятъ въ православіе, онъ считаетъ себя въ правѣ лишить непокорныхъ всего, и законъ, когда обиженные обращаются къ его покровительству, отвѣчаетъ, что «такъ какъ по церковнымъ правиламъ не признается бракъ между раскольниками, то и къ послѣдствіямъ онаго, т. е. къ дѣтямъ и правамъ наслѣдства, не можно приложить гражданскихъ законовъ,—тѣмъ болѣе, что раскольники имѣютъ все способы, дозволенные закономъ, отдать свое имущество, кому пожелаютъ, посредствомъ-ли условной продажи;

дара, или денежнаго перевода». Такимъ образомъ то, что для православныхъ членовъ общества опредѣлено точными и иногда довольно строгими законами, раскольнику предоставляется на его добрую волю. Это, по моему мнѣнію, уже не только терпимость къ расколу, но очевидное преимущество его предъ православіемъ, опасное для интересовъ церкви».

Что же касается безбрачныхъ безпоповцевъ, или частіе—Θедосѣевцевъ, то въ рѣчи своей я старался доказать, что, вопреки печатнымъ увѣреніямъ разныхъ Ермиловыхъ, Стукачевыхъ и др., послѣдователи Ковылина отвергаютъ бракъ и въ настоящее время и что слѣдовательно Θедосѣевцы не заслуживаютъ тѣхъ льготъ, какія, по словамъ автора «гражданскихъ думъ», они желали бы получить, наравнѣ съ раскольниками другихъ сектъ и толковъ.

И. Нильскій.